

An illustration of a woman with dark hair in a bun, wearing a red dress with black lace, being executed by a guillotine. A hand holds the guillotine's rope. In the background, a crowd of angry people in medieval-style clothing is gathered. The scene is set in a town with half-timbered houses.

ТЕБЕ НИКТО НЕ ПОВЕРИТ

МАЙРАНА МИСТЕРУ

Майарана Мистеру

Тебе никто не поверит

<https://litres.ru/74355184>

Аннотация

ОДНОТОМНИК В прошлой жизни меня предали самые близкие: мачеха в сговоре с братом убила императора ради власти, а родной отец трусливо промолчал, когда мир убедили, что это я открыла врата Бездны. Но я вернулась в прошлое. У меня есть ровно пять месяцев, чтобы заставить предателей захлебнуться в их собственной лжи.

Похожие книги: Тебя никто не пощадит - Тебя никто не спасет

-

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	47
Глава 4	80
Глава 5	115
Глава 6	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Пролог

Дерево под моими ногами пахло просто одуряюще. Странно, что я чувствовала этот запах в утро своей смерти.

Хах. Перед смертью не надышишься.

Я не замечала шума толпы или мантий судей. Я даже забыла о веревке у себя над головой.

Я чувствовала только запах сосны, исходящий от быстро возведенного помоста из свежего дерева.

— Лиссандра Ваэль из дома Ваэль, — голос глашатая раскатился над площадью, и гул толпы захлебнулся в тишине.

Я подняла подбородок. Руки за спиной были стянуты так туго, что пальцев я не чувствовала уже с рассвета.

— Властью его императорского величества Каэлума первого, помазанника Истока, и единогласным вердиктом святого трибунала инквизиции — вы признаны виновной.

Я посмотрела на нового императора, восседающего на бархатном помосте. Месяц на троне. Месяц с тех пор, как они убили человека, которому полагалось править, и свалили вину на меня.

Он встретил мой взгляд не моргнув. Я скривила губы в отвращении, не отводя взгляда.

— За преступное слияние с Бездной. — Голос герольда стал зычнее. — За кражу артефакта из храма Истока. За призыв повелителя Бездны, чья чудовищная рука поразила на-

шего возлюбленного императора Аврэмиана, да примет его Исток.

Наглая ложь. Врата так и остались заперты, а повелитель Бездны гниет в своей темнице уже четыреста лет. Единственными чудовищами в спальне правителя были наемники дяди нового императора.

— Да примет его Исток, — эхом отозвалась толпа, и где-то с надрывом заплакала женщина.

— За эти преступления против империи, против веры и против человечества вы приговариваетесь к смерти через повешение. Имя ваше будет вычеркнуто из списков знати, земли ваши отойдут империи.

Земли. Сегодня мне исполнилось восемнадцать. Сегодня я должна была получить в наследство каменоломню, принадлежавшую моей матери, где три месяца назад обнаружили слезу истока. Богатейшую жилу в империи.

Как удобно, что я должна умереть именно сегодня.

— Есть ли у осужденной последнее слово?

Я открыла рот.

— Ваше величество, — надломленный голос оборвал меня. — Ваше величество, прошу вас. Молю. Позвольте мне попрощаться с ней.

Она вышла из-за спин инквизиторов в безупречном черном траурном платье, темные волосы собраны в строгую прическу. Моя мачеха. Кардина. Женщина, что пела мне колыбельные и читала сказки перед сном. Женщина, которую

любили все без исключения.

Император с торжественным состраданием склонил голову, а его дядя с уважением кивнул.

— Леди Ваэль. Великодушие вашей души посрамляет нас всех. Я разрешаю вам попрощаться с дочерью.

Она поднялась по ступеням эшафота. Стражники расступились перед ней, словно перед святой. Она остановилась в шаге от меня, прижимая кружевной платок к груди. Глаза мокрые от слез, полные горечи.

— Лиссандра, — её голос дрожал и был таким тихим, что вряд ли кто-то слышал. — Моя девочка. Как же ты так? Мы с твоим покойным отцом так старались уберечь тебя. Если бы он был жив... эта боль убила его, Лиссандра!

Внутри меня ничего не дрогнуло. Отец скончался от сердечного приступа через три дня после суда. Он меня предал, выбрав ее. Снова выбрав ее. Женщину, которая последние два года тайно спускала золото на элитного раба из очистительных купален.

Секрет, о котором я узнала слишком поздно, чтобы успеть им воспользоваться.

— Лгунья! — выплонула я. — Вы всё подстроили! Ты, твой брат и племянник! — Я кивнула на помост. Толпа тревожно загудела. — Вы убили императора, а моего отца отравили!

Старший инквизитор нахмурился, поднимая руку, чтобы прервать это кощунство.

Но Кардина лишь горестно покачала головой. Она положила свои теплые ладони на мои ледяные щеки. Для толпы это выглядело как последний жест всепрощающей материнской любви.

— Ты пустила Бездну в сердце, моя девочка. Пустила ложь.

Она обняла меня за плечи и прижалась губами к уху.

— Кричи. Можешь хоть глотку надорвать, — ее ногти больно впились в мои плечи. — Тебе никто не поверит, — выдохнула она. — Ты чудовище, выпустившее монстра из Бездны, а я безутешная мать, потерявшая мужа, и дочь.

— Бездна тебя покарает, — выплюнула я. — А Исток никогда не одарит светом.

— Пусть так. Зато мой племянник на троне, а ты на виселице.

Она отстранилась, всхлипнула и, пошатнувшись, стала спускаться по ступеням. Кто-то из стражи услужливо поддерживал её под локоть.

Палач шагнул вперёд. Веревка опустилась мне на голову, грубая пенька царапнула вдоль челюсти и легла в ямку под горлом. Он затянул узел за моим левым ухом.

Толпа внизу начала скандировать, требуя моей смерти. Я смотрела поверх их голов. Я смотрела на нового императора, сидящего на украденном троне. Я смотрела на мачеху, которая прятала торжествующую улыбку за кружевным платком. Я видела ее брата Кондара, стоящего по правую руку от им-

ператора.

И я ненавидела их. Каждой каплей своей крови, каждой мыслью, каждым вздохом, который у меня отнимали. Моя ненависть была осязаемой, тяжелой, как свинец в груди.

Доски ушли из-под ног.

Религия истока учит прощать. Но в этот момент в моей душе не было места его свету. В груди kloкотала тьма. Она клубилась, ворочалась и ждала, когда я попрошу.

И я попросила.

«Верни. Верни меня и я покажу им, как выглядит настоящее чудовище».

Бездна, где-то очень далеко усмехнулась. Будто услышала. А в следующий миг я открыла глаза.

Глава 1

Солнце пробивалось сквозь высокие окна столовой и ложилось на белую скатерть золотыми косыми полосами. Пахло свежей выпечкой, заварным чаем с бергамотом и воском от только что потушенных свечей. Серебряная ложечка мягко позвякивала о фарфор. Мачеха изящно и неторопливо размешивала сливки в своей чашке.

Я сидела напротив отца и смотрела на узор скатерти. На вышитые серебром лилии — символ дома Ваэль. На маленький жирный отпечаток пальца на краю — слуги опять небрежны, и повар получит от Кардины мягкий упрёк, от которого ему захочется провалиться сквозь землю.

Я помнила эту скатерть. И это утро.

С точностью до последней морщинки на лбу отца, который сейчас разворачивал газету.

— Истока свет благословенный, — пробормотал он. Голос у него был глубокий, чуть хрипловатый с утра. — Кардина, ты только послушай.

Чашка в моей руке дрогнула. Я поставила её на блюдце и переплела пальцы под столом. Крепко. Так крепко, что ногти впились в ладони.

— Что там, дорогой? — певучий, мягкий голос Кардины.

Отец прокашлялся и зачитал, медленно, точно не веря собственным глазам:

— «Дерзкое святотатство в столице. Минувшей ночью из сокровищницы главного храма Истока был похищен ключ от врат Бездны — реликвия первостепенной значимости, хранившаяся за семью печатями с момента заточения повелителя Бездны четыре столетия назад. Святой трибунал ведёт расследование. Все пути из города перекрыты. Настоятель призывает верующих к молитве.»

Он отложил газету на край стола и уставился на неё так, будто напечатанные буквы могли сложиться в другой порядок, если смотреть достаточно долго.

— Немыслимо, — выдохнул он. — Ключ. Из храма. Да кто вообще мог...

У меня застучало в висках.

Я знала, что это будет сегодня. Газету с этим заголовком я видела пять месяцев назад, когда ещё ни о чём не догадывалась и мазала булочку маслом, греясь в родительской любви.

Пять месяцев до того дня, как за мной придут. Но помнить одно. А сидеть за этим столом, слушать, как отец шелестит страницами, и видеть, как Кардина аккуратно откусывает кусочек бисквита — совсем другое.

Сердце колотилось так сильно, что его наверняка было слышно в соседнем квартале. Я опустила ресницы и заставила себя поднести чашку к губам. Чай был горячий. Я даже не почувствовала вкуса.

Я медленно, очень медленно подняла взгляд на мачеху.

Кардина сидела по правую руку от отца, прямая и спокой-

ная, в утреннем платье из серо-голубого шёлка. Волосы заплетены в одну тяжёлую косу и уложены короной.

Она поймала мой взгляд и тепло, ласково улыбнулась.

— Лиссандра, милая, ты совсем ничего не ешь. Повар обидится.

Я улыбнулась в ответ.

Это была, пожалуй, самая вымученная улыбка в моей жизни. Улыбнуться женщине, которая несколько минут назад говорила, что я могу рвать глотку и мне все равно никто не поверит.

Никто не поверит.

Что ж, Кардина. Я буду использовать твое же оружие против тебя самой.

— Простите, — мой голос прозвучал почти ровно. — Я немного устала.

— Ты бледна, — нахмурился отец, опуская газету. — Литар, посмотри на неё. Бледна как полотно.

Литар, посмотри на неё. Он сам был Литар. Граф Литар Ваэль. Он обращался к себе, потому что слишком тревожился. В детстве меня это умиляло.

Сейчас меня это почти сломало.

Я смотрела на него через стол. На его седые виски, на усталые добрые глаза, на тонкие морщины у рта. И во мне поднималось горячая черная волна, похожая и на любовь, и на тошноту в одном флаконе.

Вот сидит мой папа.

Мой папа, который катал меня на плечах. Мой папа, который на суде отвёл глаза и промолчал. Промолчал, когда одного его слова — *у неё врождённый дар, она с рождения носит медальон матери* — хватило бы, чтобы заронить сомнение.

Не спасти.

Но он промолчал, чтобы скрыть тот факт, что они с детства скрывали мой дар. Чтобы сохранить свою и жены репутацию, ведь его дочь все равно опустила до того, что открыла врата Бездны. Несмываемый позор, и добавлять еще и это в свою копилку было уже слишком.

А через три дня у него остановилось сердце, не выдержав горя. Слишком удачно.

Я моргнула.

— Правда, ничего страшного, — сказала я. — Дурной сон. Ночью не выпалась.

— Сон? — Кардина чуть наклонила голову. — Какой сон, милая? Расскажи. Говорят, если рассказать дурной сон до полудня, он не сбудется.

Я видела свои собственные ноги, болтающиеся над досками и твою улыбку за секунду до.

— Не помню, — я пожала плечами. — Уже рассеялся. Какая-то чушь.

— Всё-таки ты бледная, — отец протянул руку через стол и накрыл мои сцепленные пальцы своей тёплой ладонью. — Лисёнок, может, лекаря позвать?

Он не звал меня так уже несколько лет — я подросла, стала девушкой на выданье, и «лисёнок» ушёл вместе с косичками и ободранными коленками.

Услышать это слово сейчас, из его живых уст, когда он уже три недели как мёртв в моей памяти, было... больно.

Горло сжало спазмом.

— Не нужно лекаря, — сказала я. — Мне бы просто подышать. Простите, можно я откланяюсь?

— Конечно, — тут же отозвался отец. — Конечно, иди. Я загляну к тебе перед обедом, хорошо?

— Хорошо, пап.

— Бедная девочка, — вздохнула Кардина. — Давай я пришлю Ирдис с ромашковым отваром?

— Не надо, — ответила я слишком быстро. И тут же поправилась, мягче: — Благодарю вас, не стоит.

Я поднялась. Колени держали. Уже хорошо. Я отодвинула стул и его ножки тихо скрипнули по паркету. Вышла из столовой, не оглядываясь, прошла по коридору, толкнула стеклянную дверь и вышла в сад.

Холодный утренний воздух, с запахом мокрой травы и первых опавших листьев, ударил в лицо. Я сделала десять шагов по дорожке, свернула за живую изгородь, где меня не было видно из окон, прислонилась спиной к холодному камню садовой стены и только тогда позволила себе задышать.

Меня трясло. Руки трясло, колени трясло, челюсть сводило так, что зубы клацали. Я зажала рот ладонью, чтобы не

издать ни звука, и стояла, вдыхая через нос, выдыхая через стиснутые пальцы.

Я жива.

Я не понимала, как и почему Бездна меня услышала. Мой дар едва теплился. Не дар даже, а жалкая искра, бледная тень силы, что была у моей матери. Он не мог достучаться до темной мощи. А по словам жрецов Истока, в Бездне и слушать-то некому: за воротами лишь голодная пустота и заточённый в ней монстр.

Монстр, которого якобы выпустила я.

Я тихо, сдавленно рассмеялась в ладонь. Смех вышел кривой.

Врата даже не открывались. Повелитель Бездны гнил в своей темнице уже четыре сотни лет и продолжит гнить. Единственными чудовищами в ту ночь в спальне императора были наёмники герцога — брата Кардины, дяди милого племянничка Каэлума, который теперь сидит на украденном троне и играет в помазанника Истока.

Я отняла ладонь от лица. Медленно, будто боясь, что она исчезнет при прикосновении, подняла руку к горлу.

Пальцы нащупали цепочку. Провели вниз.

Кулон на месте.

Маленький, тяжеленький, тёплый от тела. Темный лунный камень в простой серебряной оправе. Ничего особенного. Ничего, что привлекло бы взгляд.

Я прижала его к ключице и закрыла глаза.

Спасибо, мама. Если бы не ты, меня бы давно сдали в храм Истока, где я провела бы остаток дней, отмаливая свой темный дар, о котором никого не просила.

Вивер Ваэль умерла, дав мне жизнь. Я знала её только по портрету в галерее и по этому медальону. Она тоже была магом пустоты.

После её смерти отец надел ее медальон на меня, чтобы скрыть порочную магию от всего мира.

Я отогнула левый рукав платья. Кружево пошло складкой, обнажая бледное предплечье с тонкой голубой веной под кожей. Чуть выше сгиба была маленькая угольно-чёрная метка в форме неправильного полумесяца.

Единственная в своём роде, ведь ни у кого во всей обозримой родословной такой не было. Когда-то отец сказал, что это, возможно, просто причуда крови и на всякий случай запретил мне показывать её кому бы то ни было, и на том вопрос закрыли.

В прошлой жизни я ненавидела её. Прятала под длинными рукавами, стягивала браслетом, иногда, в отчаянии, пыталась оттереть пемзой, как будто это была грязь, которую можно смыть.

Теперь я смотрела на неё почти с нежностью.

Дар и метка — может быть, и не одно и то же; я никогда не узнаю наверняка, и не у кого теперь спросить. Но именно моя Пустота, маленькая искра на самом дне, едва способная шевельнуть свечу, оказалась всё-таки достаточной, что-

бы Бездна сквозь четыре стены и четыреста лет заточения слышала мой крик.

Услышала и усмехнулась.

Я вернула рукав на место и провела языком по пересохшим губам.

Хватит.

Хватит дрожать. Хватит благодарить. Благодарность Бездне я отдам потом.

Сейчас у меня есть задачи.

Первая и главная — Ключ от врат.

Артефакт, которым четыреста лет назад заперли повелителя Бездны. Реликвия, которая по легенде, Кардины и ее брата, попадёт в мои руки, чтобы я выпустила монстра.

Им нужен ключ, который похитили их храма Истока.

А что, если у них его не будет?

Я медленно выдохнула через нос.

Сейчас ключ ещё где-то в городе — у наёмника, у посредника, у самого брата Кардины. Ещё не в её руках. И пока он не попал к ней, у меня есть окно. Узкое, опасное. Но окно.

Без него не будет «прорыва». Без «прорыва» не будет мёртвого императора от руки «чудовища». Без мёртвого императора не будет племянника Кардины на троне. Без племянника на троне не будет ни суда, ни эшафота, ни лицемерного плача перед толпой.

А затем придёт мой черёд. Я разберусь с ней. Отплачу той же монетой: так же методично, как она разрушала меня, при-

творяясь матерью все эти годы.

А вот и новая история!)

Она мне очень нравится, надеюсь и вам придется по душе.

Буду признательна, если вы поддержите книгу #####

Глава 2

Тишина моих покоев обрушилась на плечи спасительным, успокаивающим бархатом, насквозь пропитанным тонким запахом сухой лаванды.

Я плотно закрыла за собой тяжелую дверь, прислонилась к ней лопатками и медленно, словно боясь спугнуть это наваждение, обвела комнату взглядом. Высокий потолок украшала старинная лепнина — по углам расходились лучи Истока, толстые и забавно завитые на концах. В глубоком детстве я звала их Тишем и Уром и каждый вечер шепотом желала им доброй ночи.

В центре стояла широкая кровать под балдахином из бледно-зелёного шёлка, ткань которого чуть выгорела со стороны окна. Рядом возвышался массивный книжный шкаф, забитый сверху донизу: сентиментальные романы, потертые справочники травников и отцовский подарок к моему четырнадцатилетию — толстенный том истории дома Ваэль в тисненном кожаном переплёте, который я до сих пор так и не дочитала.

На прикроватной тумбочке покоился мой самый любимый стеклянный шар с засушенным пушистым одуванчиком внутри. Отец привёз мне эту безделушку из поездки в Силистр, когда мне едва исполнилось одиннадцать.

У самого окна пристроился маленький письменный стол.

На нем — изящная чернильница с серебряной крышкой, подставка для перьев и стопка нетронутой, безупречно белой бумаги. А у зеркала лежал перламутровый гребень, забытый мной там ещё вчера. Вернее, нет, не вчера. Шесть долгих месяцев и одну страшную смерть назад.

С трудом проглотив тугой ком в горле, я на мгновение зажмурилась.

Здесь всё было невыносимо родным. Каждый тёмный угол, каждая складка тяжелой занавески, каждая пылинка, беззаботно танцующая в лучах света на подоконнике — всё стояло на своих законных, привычных местах. Ровно так, как и должно стоять в безмятежной комнате семнадцатилетней девушки, которая еще понятия не имеет, какой кошмар ждёт её впереди.

Только эта девушка уже всё знала.

Я осторожно оттолкнулась от двери и медленно прошла вглубь комнаты. Кончики моих пальцев скользили по корешкам непрочитанных книг, по прохладной бронзовой ручке шкафа, по чуть потертой бархатной обивке любимого кресла у камина. Мне было жизненно необходимо снова ощутить, что всё это настоящее. Удостовериться, что дубовые доски пола подо мной вдруг не дрогнут, превращаясь в эшафот, и не провалятся вниз.

Не дрогнули.

Я опустилась в глубокое кресло, плотно сложила дрожащие руки на коленях и судорожно выдохнула, пытаюсь унять

колотящееся сердце. В повисшей тишине скрипнули дверные петли.

— Госпожа? Я принесла ваши чистые платья.

В покои бесшумной тенью скользнула Деб с охапкой свежего, пахнущего лавандой белья. Невысокая, по-девичьи толенькая, в безукоризненном тёмно-сером форменном платье с кипенно-белым передником. Волосы скромно убраны в пучок, лишь у виска выбился непокорный светло-русый локон. Лет двадцать, может. Глаза привычно и покорно опущены в пол.

Глядя на нее сейчас, я словно видела совершенно незнакомого человека.

Точнее, внешне я узнавала ее безошибочно. Это была моя личная служанка, Деб. Девушка, которая в моей прошлой жизни три года изо дня в день туго шнуровала мне корсеты, бережно расчёсывала волосы перед сном, приносила горячие завтраки и безмолвно подавала перчатки. Деб, чьи черты лица я тогда толком и не запомнила, потому что — ну зачем знатной аристократке запоминать в лицо обслуживающую её мебель?

Я молча наблюдала, как она проходит к шкафу, открывает створку и невероятно аккуратно расправляет каждое платье на деревянных плечиках. Движения отточенные, плавные, абсолютно бесшумные. Идеальная, образцовая прислуга. Моя мачеха всегда умела грамотно подбирать персонал.

В той, сгоревшей дотла прошлой жизни мы были с ней аб-

солютно чужими людьми, просто делившими одно пространство. Я не знала о ней ровным счетом ничего. Не знала, как зовут её родителей, из какой она бедной деревни, за какие заслуги её взяли в наш благородный дом. Не знала, мечтает ли она о чём-нибудь, кроме того, чтобы поскорее закончить изматывающую смену и лечь спать. Я её просто не замечала. Слуги — это ведь не люди, это полезные вещи, которые обладают удобной способностью двигаться сами по себе. Именно так нас, юных леди, учили с самых пелёнок.

Но и она меня тоже не видела. Деб шла на любой контакт крайне неохотно, а на мой редкий, случайный вопрос всегда отвечала заученным, безликим «да, госпожа» или «нет, госпожа». Никогда не задерживалась в моей спальне дольше положенного. И никогда не улыбалась.

Тогда я наивно полагала, что у нее просто такой тяжелый характер. Считала её глупой, ограниченной деревенской девушкой, не способной поддержать простую человеческую беседу.

Но сейчас, внимательно разглядывая её напряженно опущенные плечи, я начинала видеть истину.

Это был вовсе не нелюдимый характер. Это был животный, парализующий страх.

Страх перед моей идеальной мачехой, которая каждую неделю пунктуально вызывала прислугу к себе в малую гостиную и тихим, бесконечно мягким голосом педантично разбирала их малейшие провинности. За пылинку на камин-

ной полке — жесткий штраф. За недостаточно сухо отжатую скатерть — штраф. За «недостаточно почтительный взгляд» — снова штраф. Ни одного сорванного крика, ни одного бранного или грубого слова. Кардина не повышала голоса никогда. Она просто, с убийственной светской вежливостью называла сумму, которую вычтут из жалкого месячного жалования, и отпускала виновного с миром, ласково улыбнувшись на прощание.

В детстве я однажды пряталась за приоткрытой дверью и подсматривала, как мачеха отчитывает главного повара за слегка пересоленный соус. Повар, здоровенный, краснолицый мужик, шире меня раза в два, выходил из её уютной гостиной с трясущимися руками и крупной испариной на лбу. Я тогда искренне удивилась. Я тогда ничего не поняла.

Сейчас же я понимала всё кристально ясно.

Все обитатели этого роскошного особняка до одурения боялись Кардину. Абсолютно все. От седого почтенного дворецкого до чумазой забитой девочки, таскавшей тяжелый уголь для каминов. Боялись и боготворили одновременно — просто потому, что она никогда не устраивала истерик, никогда не приказывала бить палками, никогда не унижала прилюдно. Жестокая расправа вершилась только за плотно закрытыми дверями. Строго наедине.

Это была самая страшная разновидность хозяйки дома, у которой на губах всегда сияет безупречная ласковая улыбка, а за спиной всегда крепко сжат железный кулак.

Сколько ещё жизненных соков она с них тянула, помимо бесконечных финансовых штрафов? Наверняка было что-то ещё. Мелкие доносы друг на друга. Грязные услуги. Постель?

Деб бесшумно закрыла дверцу шкафа. Повернулась ко мне и низко, почтительно поклонилась.

— Могу я что-то для вас сделать, госпожа?

Я открыла было рот, собираясь расспросить её, и тут же заставила себя его закрыть. Не сейчас. Нельзя лезть к ней с внезапными личными расспросами прямо с порога. Она лишь испуганно замкнется, будет упрямо молчать, покорно кивать, а при первой же возможности побежит докладывать мачехе, что леди после завтрака вела себя крайне подозрительно.

Действовать нужно очень медленно. Нужно дать ей веский повод мне доверять.

— Нет, Деб, благодарю. Можешь быть свободна.

Служанка снова поклонилась и растворилась за дверью.

Оставшись в долгожданном одиночестве, я просидела в кресле ещё минут пять, невидящим взглядом изучая витиеватый цветочный узор ковра. Затем решительно поднялась, подошла к письменному столу и опустилась на стул.

Передо мной лежала чистая бумага, остро заточенное перо и чернильница. Обмакнув кончик пера в темную жидкость, я крепко задумалась. Доверять свои сокровенные мысли бумаге было смертельно опасно — если этот лист по-

падёт в чужие руки, моя только что обретенная вторая жизнь закончится, так толком и не начавшись. Но и держать весь этот хаос планов исключительно в гудящей голове я больше не могла. От событий сумасшедшего утра виски ломило, словно по ним били кузнечным молотом.

Ладно. Я всё запишу. А потом безжалостно сожгу в камине, прежде чем сделать хоть шаг за порог.

Я начала формулировать план с самого его финала.

«Цель: я остаюсь жива. Кардина, её брат и Каэлум?.. Пусть с ними разберется сама судьба или император, на худой конец».

Дальше я пошла методом от обратного. Этому меня когда-то учил отец, видя, как я часами мучаюсь с неподатливой задачкой по логике. «Если хочешь найти правильное решение, лисёнок — встань в самый конец пути и делай шаги назад. Что должно произойти за шаг до финала? А за два?».

«Чтобы избежать эшафота — не должно состояться публичного суда. Чтобы избежать суда — против меня не должно быть выдвинуто официального обвинения. Чтобы не было обвинения — не должно случиться "прорыва Бездны". Чтобы этот "прорыв" не состоялся — в руках Кардины и её влиятельного брата не должно оказаться Ключа. Чтобы Ключ не попал к ним — он должен бесследно исчезнуть гораздо раньше».

Я остановилась, задумчиво постукивая кончиком пера по серебряному краю чернильницы. Спрятать Ключ — это моя

первоочередная, жизненно важная задача. Но за ней немедленно встаёт следующая, куда более масштабная проблема: даже если я виртуозно сорву их план с магическим прорывом, эти люди не отступят. Они непременно придумают что-то ещё. Возможно, их новый план будет менее изящным, более топорным и кровавым — но они его придумают. А значит, моя истинная цель заключается не просто в том, чтобы сорвать их текущую игру. Мне нужно полностью лишить их возможности разыгрывать новые партии.

«Чтобы они навсегда лишились возможности строить планы по моему уничтожению — у них не должно остаться никаких ресурсов. Ресурсы Кардины: моё доброе имя, моё законное положение в высшем обществе, моя богатая каменоломня (которая через полгода формально перейдет мне, а фактически — навсегда останется в её цепких руках), огромные деньги нашего рода, влияние при императорском дворе, слепая преданность и страх слуг нашего дома. Ресурсы её брата: герцогский титул, армия наёмников-головорезов, прямой доступ к ушам молодого племянника-императора».

Очень хорошо. Общая картина начинает понемногу проясняться. Пока это лишь крошечная, обрывочная карта огромного минного поля, но с этим уже можно было работать.

«Что срочно нужно найти мне:

Деньги. Настоящие, полновесные золотые монеты, а не

те жалкие карманные крохи, что мне выдают. Без серьезного золота я не смогу никого подкупить и никого нанять.

Мамина каменоломня — и получить реальный контроль над ней нужно значительно раньше положенного срока. Юридически это абсолютно невозможно до моего восемнадцатилетия. Вывод: нужен невероятно мощный рычаг давления на Кардину, чтобы она «добровольно» отдала мне управление.

Свой преданный человек внутри особняка. Верные глаза и уши, надежное прикрытие. Без сообщника мне даже в собственный сад не выйти незамеченной.

Свой человек в нижнем городе. Опытный вор, теневой посредник — кто-то с очень грязными руками и исключительно крепкими нервами.

Железобетонная защита от обвинения в черной магии. Если ключ таинственно исчезнет, они быстро состряпают против меня другой смертельный повод. Нужно четко понимать, откуда именно ждать удара, и быть во всеоружии».

Откинувшись на высокую спинку стула, я придиричиво оглядела составленный список. Пункт номер три. Надежное прикрытие внутри дома.

Медленно обернувшись через плечо, я посмотрела на закрытый массивный платяной шкаф, в который всего несколько минут назад Деб бережно вешала мои наряды. Изучающе прищурилась.

В прошлой жизни эта тихая, незаметная девочка меня

хладнокровно предавала, докладывая мачехе о каждом моем шаге. Я точно это знала. Но я так же точно знала, почему она это делала.

Просто боялась, что вышвырнут на улицу без рекомендаций.

А без хороших рекомендаций такие робкие, незащищенные девушки, как Деб, новую работу в приличных домах не находят никогда. В лучшем случае их ждет грязная, рабская работа в портовых вонючих харчевнях. В худшем — они отправляются прямиком туда же, куда предприимчивая Кардина регулярно переводит грязные деньги, полученные из штрафов прислуги. В столичные бордели.

Деб тогда предсказуемо выбирала собственную жизнь и жалование. Окажись я на её месте — забитой, бесправной служанкой, — я бы, наверное, поступала точно так же. Тем более что в той реальности я не была ей ни заботливой подругой, ни даже просто доброй знакомой. Я оставалась для неё чужой, надменной госпожой, на которой свет клином не сошёлся.

Но в этой, новой жизни её предательства может не случиться. Не потому, что у Деб внезапно проснется совесть или волшебным образом изменится характер. А потому, что я просто не оставлю Кардине ни единого шанса сделать ей это смертоносное предложение.

Мне предстоит стать для Деб кем-то гораздо большим, чем просто «очередная чужая госпожа». Мне нужно выстро-

ить всё так, чтобы у неё появился реальный выбор — не между жалкими грошами и голодной улицей, а выбор между Кардиной и мной. И сделать так, чтобы предать Кардину оказалось для неё намного безопаснее и выгоднее.

Склонившись над столом, я твердой рукой приписала под пятым пунктом: «6. *Деб*».

Задумчиво постучала кончиком пера по плотной бумаге.

Поднявшись из-за стола, я подошла к камину, безжалостно скомкала исписанный лист и бросила его прямо в краснеющие угли. Плотная бумага недовольно зашипела, стремительно скрутилась пылающей чёрной розой и осыпалась в невесомый серый прах. Я стояла и смотрела на уничтожающий огонь до тех пор, пока не убедилась, что от моих планов не осталось даже читаемого клочка. И лишь затем вернулась к столу.

Этот день обещал быть длинным.

И он действительно тянулся бесконечно. Я просидела взаперти до самого позднего вечера, категорически отказываясь спускаться к обеду под благовидным предлогом внезапно разыгравшейся мигрени. Отец заглядывал ко мне дважды. Нерешительно переминался в дверях, тревожно вглядывался в моё излишне бледное лицо, заботливо спрашивал, не послать ли всё-таки за городским лекарем. Я каждый раз мягко отказывалась. Он уходил, виновато и тяжело ссутулив свои некогда широкие плечи.

Глядя в его удаляющуюся, поникшую спину, я с горечью

думала о том, что мне ещё только предстоит решить сложнейшую моральную дилемму: как именно с ним поступить. Спасать ли его от того самого внезапного «сердечного приступа», который гарантированно сведет его в могилу через пять месяцев? Стоит ли этот слабый человек моего спасения? И главное — хочу ли я вообще его спасти?

В одной половине моего израненного предательством сердца всё ещё теплым эхом отдавалось его ласковое «лисёнок», сказанное только сегодня утром. А в другой половине намертво, ледяной глыбой застыл образ отца, покорно стоящего у скамьи свидетелей на моем судилище. Отца, который обреченно смотрел в каменный пол и трусливо молчал, пока его единственную дочь приговаривали к смерти. И я пока не знала ответа на этот вопрос.

Отгоняя прочь тяжелые, вязкие мысли, я методично перебирала в уме всё, что помнила о событиях ближайших дней. Я точно вспомнила, в какой именно день недели прибывает вестник от старого герцога. Когда именно Кардина впервые официально отлучается из особняка «к больной подруге» на всю ночь — хотя на самом деле её экипаж направится прямиком в элитные столичные купальни.

Для того чтобы хоть чем-то занять дрожащие от нервного напряжения руки, я остро заточила сразу три новых пера.

Сумерки за окном уже начали густеть. Небо налилось глубоким, тяжелым чернильно-синим цветом, когда я внезапно услышала за своей дверью резкий, оглушительный звон. Да-

же не звон — это был короткий, тяжелый удар разбившегося массивного фарфора о деревянный пол, за которым последовал жалобный шелест осыпающихся мелких осколков. И сразу следом за этим раздался сдавленный, полный животного ужаса девичий вздох.

Я резко вскинула голову от стола. Кажется, это я тоже помню.

Медленно, глубоко выдохнув, я мысленно сосчитала до трёх, успокаивая заколотившийся пульс. Плавно поднялась со стула и направилась к двери.

Распахнула створку.

Прямо перед порогом моих покоев, на роскошном синем восточном ковре, сверкала россыпь осколков огромной бело-голубой вазы. Той самой дорогой, антикварной вазы, что обычно украшала резную консоль у коридорного окна. Высотой в человеческий локоть, искусно расписанная пастушескими сценами по всему тулову. Баснословно дорогая вещь. Кардина просто обожала невзначай хвастаться ею перед именитыми гостями нашего особняка.

А прямо над этими смертоносными осколками, в неописуемом ужасе прижав сжатые кулаки к побелевшим губам, застыла Деб.

Кровинки не было в её юном лице — оно полностью сливалось по цвету с кипенно-белым форменным передником. Глаза расширились до невероятных, безумных размеров. Её грудь вздымалась так судорожно и часто, словно это был

маленький, загнанный сворой охотничьих собак зверёк. На бледной щеке ярко алела тонкая свежая царапина — видимо, один из острых осколков отскочил при ударе рикошетом и порезал кожу.

Увидев меня на пороге, служанка, кажется, перестала дышать вовсе.

— Госпожа, я... я... — её голос прозвучал неестественно тонко и тут же жалко сорвался в хрип. — Я просто несла её в малую гостиную... госпожа Кардина велела переставить... я... край ковра задрался... я споткнулась...

В панике она непроизвольно попятилась назад. Под тонкой кожаной подошвой её туфли громко хрустнул фарфоровый черепок. Деб крупно, всем телом судорожно вздрогнула от этого звука.

Я несколько секунд молча, с пугающим спокойствием смотрела на неё. На это белое, как мел, лицо. На трясущиеся губы. На то, как в её расширенных от ужаса глазах уже лихорадочно щёлкают невидимые счеты, подсчитывая, сколько долгих месяцев своего крошечного жалования она отдаст беспощадной хозяйке за эту проклятую разбитую вазу. И хватит ли ей вообще целого года каторжного труда, чтобы полностью расплатиться за этот один-единственный неверный шаг.

В своей прошлой жизни ровно в этот самый момент я малодушно стояла по ту сторону закрытой двери и, затаив дыхание, слушала разворачивающуюся трагедию. Слушала, но

так и не вышла помочь. Вскоре в коридоре раздались легкие шаги — на громкий шум из своего крыла спустилась мачеха. И я отчетливо услышала её тихий, убийственно спокойный голос: «Деб. Ты хоть примерно представляешь, сколько стоит эта ваза?». А затем, после минутной звенящей паузы, полной немомго ужаса: «Ступай в людскую. И крепко подумай, как именно ты будешь мне это возмещать».

И всё. Больше ничего. Никакого базарного крика. Никаких унижительных скандалов на весь дом.

А несчастная Деб потом целую неделю ходила по дому бледнее призрака. Когда я однажды вскользь, из праздного любопытства поинтересовалась, что у неё стряслось, она лишь глухо, безжизненно ответила: «Ничего особенного, госпожа», — и еще ниже опустила обреченную голову.

Но в этой жизни всё пойдет по моему, совершенно иному сценарию.

Я решительно шагнула в коридор, перешагнула через острое фарфоровое крошево и быстро, не давая служанке даже опомниться, крепко схватила Деб за тонкое запястье.

— Пойдём со мной.

— Госпожа, умоляю, что вы делаете...

— Тихо. Внутрь. Быстро.

Я силой втащила опешившую девушку в свои покои. Запястье под моими пальцами было таким птичьим, хрупким, и она совершенно не сопротивлялась. Подчинилась моему приказу чисто рефлексивно, как привыкла с малолетства

беспрекословно подчиняться любому властному жесту хозяев этого дома. Я плотно прикрыла за нами тяжелую дверь спальни.

— Стой здесь. Молчи. И не смей выходить, пока я сама не разрешу.

— Г-госпожа...

— Деб. Я сказала — молчи и стой на месте.

Круто развернувшись, я снова распахнула дверь и бесстрашно шагнула обратно в пустой коридор, прямо к месту преступления. Я сделала глубокий, шумный вдох, готовя связки к выступлению. И затем — не слишком громко, но с нескрываемым, капризным раздражением, так, чтобы недовольный голос разнесся по всему крылу, будто я в сердцах отчитываю саму себя:

— Да чтоб тебя Бездна побрала... Ну кто, скажите на милость, додумался поставить в самом проходе такую огромную вазу?! Нормально пройти мешает!

В дальнем конце коридора тут же испуганно хлопнула дверь — на подозрительный шум уже спешили две младшие горничные. Они бежали с зажатыми в руках пыльными тряпками, еще совершенно не понимая, какая именно катастрофа произошла и кто в ней виноват. Выбежав в освещенный холл, они увидели меня. Увидели уничтоженный дорогой антиквариат. И увидели моё крайне недовольное, надменное лицо. Обе девушки словно выросли в ковёр.

— Немедленно уберите весь этот мусор, — я брезгливо

мотнула подбородком в сторону засыпанного пола. — И поживее шевелитесь, я не желаю порезать ногу!

— Хорошо, госпожа! Прямо сейчас всё уберем!

Они в панике кинулись к разбросанным осколкам. Одна бросилась обратно за совком, другая метнулась за щёткой.

Идеально.

Я с раздражением вздохнула, собираясь развернуться к дверям своей спальни — и тут же нос к носу столкнулась с Кардиной.

Она бесшумно выплыла из своего западного крыла. Как и всегда — словно бестелесный призрак. Я не услышала ни единого звука её легких шагов. На ней было всё то же утреннее элегантно серо-голубое домашнее платье, только теперь на её хрупкие плечи была изящно наброшена тонкая, дорогая кашемировая шаль. Несколько темных прядей слегка выбились из идеальной косы — видимо, идеальная хозяйка всё-таки спешила на подозрительный звук разбитого фарфора.

— Лиссандра? — её изящно изогнутые брови мягко, с искренним участием приподнялись. Голос зазвучал невероятно тёплым, встревоженным мёдом. — Что за шум, милая? Что-то случилось?

Я натянула на лицо слабую, обезоруживающе виноватую улыбку. Именно такую, какая и полагается благовоспитанной, но слегка неуклюжей дочери после совершения досадного промаха.

— Ах, мне так жаль, матушка. Я так неловко споткнулась

о загнутый край ковра... и совершенно случайно задела вашу любимую вазу плечом.

— Ох, святой Исток, — Кардина стремительно шагнула ко мне, взволнованно всплеснув изящными руками.

Я не успела отстраниться: её тёплые, бархатистые ладони уже собственнически легли на мои щёки. Мягкие, чуть прохладные, ухоженные пальцы. В нос ударил до тошноты знакомый запах её эксклюзивных духов — тяжелый аромат белой лилии с горьковатой, отравляющей ноткой миндаля. Мой желудок мгновенно скрутило ледяным, тошнотворным спазмом от этого фальшивого материнского прикосновения.

«Кричи. Можешь хоть глотку надорвать», — услужливо подкинула память её безжалостный шепот из прошлой жизни. «Пусть так. Зато мой племянник на троне, а ты на виселице».

Я продолжала покорно, виновато улыбаться.

— Бедная моя девочка, — взволнованно выдохнула мачеха, осматривая меня. — Ты нигде не порезалась? Ну-ка, быстро покажи мне свои руки.

— Нет-нет, что вы, я вовремя успела отскочить.

— Ты в этом уверена?

— Абсолютно. Но мне правда невыносимо жаль эту чудесную вазу. Я знаю, как сильно вы ею дорожили. Обещаю, я полностью возмещу её стоимость из своих личных карманных денег.

— Какие несусветные глупости, — Кардина ласково,

успокаивающе провела большим пальцем по моей скуле. Невероятно медленно и нежно. — Какие же глупости ты говоришь. Это всего лишь кусок раскрашенной глины, Лиссандра. Самое главное, что ты сама осталась цела и невредима.

Внутри меня что-то противно, нутужно скрипнуло.

В той, наивной прошлой жизни эта липкая материнская ласка казалась мне абсолютно естественной и стопроцентно искренней. Раньше я бы доверчиво прижалась щекой к её прохладной ладони, благодарно закрыла глаза, прошептала «спасибо, мама» и поверила бы. Каждой наивной клеткой своего существа поверила бы, что мне несказанно повезло с такой заботливой, всепрощающей мачехой.

Но сейчас, глядя прямо в её прекрасное, участливое лицо, я думала лишь об одном: как же невыносимо, до омерзения мне хочется, чтобы её длинные пальцы убрались с моей кожи. Тем не менее, я с мастерством профессиональной актрисы удержала улыбку.

— Огромное вам спасибо за понимание.

Она, наконец, опустила руки. Её цепкий, холодно оценивающий взгляд скользнул мимо меня, безошибочно остановившись на плотно закрытой двери моих покоев. И всё тем же мягким, мурлыкающим тоном она невзначай поинтересовалась:

— Кстати... а где же твоя Деб?

Я беззаботно хлопнула ресницами с видом абсолютной

невинности.

— Ах да, я совсем забыла сказать. Я только что отправила её вниз, на кухню, за горячим чаем. У меня с самого утра так раскалывается голова... Вот я и подумала, что большая кружка свежего чая с перечной мятой и ложкой мёда должна немного облегчить боль.

Кардина чуть-чуть, едва заметно поджала свои идеальные губы.

Эта микроскопическая заминка длилась не больше полусекунды, но уголки её красивых губ тут же послушно поползли вверх, возвращая на лицо привычную маску заботы.

— Разумеется, моя хорошая. Горячий чай с мятой — это очень разумное решение при мигрени. Ступай, приляг в постель, а я сейчас же пошлю Ирдис, чтобы она принесла тебе ещё и мятную пастилу.

— Не стоит утруждаться, — я вежливо, но очень твердо покачала головой. — Думаю, мне просто нужно хорошенько выспаться. Спокойной ночи, матушка.

— Спокойных снов, милая.

Она грациозно наклонилась и поцеловала меня прямо в висок. Я даже не вздрогнула от этого обжигающего поцелуя. Лишь потому, что предварительно с силой сцепила руки за спиной в жесткий замок — так крепко, что ногти до боли впились в кожу ладоней, оставляя глубокие полумесяцы.

Кардина плавно развернулась и поплыла обратно по коридору в своё крыло. Легкая шаль в такт её шагам чуть колы-

халась на хрупких плечах. Её походка оставалась по-прежнему пугающе бесшумной.

Я долго стояла неподвижно, напряженно глядя ей вслед, пока её изящная фигура полностью не скрылась за поворотом. Затем постояла ещё немного — для верности, на всякий непредвиденный случай. И подождала ещё одну долгую минуту. Лишь окончательно убедившись в безопасности, я круто повернулась, зашла в свои покои и бесшумно закрыла дверь. С громким щелчком задвинула тяжелую железную щеколду замка.

Деб всё ещё стояла ровно на том же самом месте, где я её оставила. У массивного книжного шкафа. Она крепко обхватила себя тонкими руками за плечи, словно в натопленной комнате внезапно наступила ледниковая зима. Услышав щелчок замка, девушка резко подняла опущенную голову. Её глаза были сильно опухшими и красными. По бледной щеке катилась блестящая, мокрая дорожка слёз, которую она даже не пыталась смахнуть.

— Г-госпожа... вы... вы только что... Её голос окончательно сорвался в сиплый, недоверчивый шепот.

Я не стала подходить к ней сразу. Сначала неспешно прошла к окну, нарочито тщательно поставив на место сбитую мной же впопыхах небольшую декоративную ширму. Затем подошла к камину — вооружилась железной кочергой и деловито поправила тлеющее полено, чтобы оно лежало ровнее и давало комнате больше жара. Я занимала себя этими мел-

кими бытовыми пустяками намеренно. Чтобы дать ей необходимую минуту собраться с мыслями. Да и себе самой тоже.

Только закончив возиться с дровами, я обернулась к потрясенной служанке.

— Сядь, — я мягко кивнула на пухлый низкий пуф, стоящий у туалетного столика.

— Но, госпожа, мне не положено сидеть в вашем присутствии, я не могу, я...

— Сядь, Деб. Успокойся, я тебя не съем.

Она послушно, на ватных ногах опустилась на пуф, на самый краешек, ни на секунду не позволяя себе расслабиться в присутствии леди. Колени плотно и целомудренно сжаты. Трясущиеся руки крепко сцеплены в замок на белоснежном фартуке. Спина прямая и натянутая, как струна у солдата на утреннем плацу.

Я подошла к прикроватной тумбочке, щедро налила прохладной воды из хрустального графина в чистый стакан и молча протянула ей. Она приняла его обеими руками. Её тонкие пальцы ходили таким ходуном, что вода в хрустале плескалась, грозя пролиться на серую юбку.

— Госпожа Лиссандра, я... за что вы... зачем... госпожа Кардина же могла...

И тут невидимую плотину прорвало окончательно. Это произошло резко, в одно короткое мгновение. Девушка торопливо поставила стакан на ковёр у своих ног, болезненно сложила пополам, спрятала бледное лицо в ладонях и

горько, безутешно заплакала. Сдавленно, глухо всхлипывая прямо в ладони, пока её худенькие плечи судорожно сотрясались. Именно так горько плачут надломленные люди, которых с самого раннего, тяжелого детства жестоко приучали никогда не сметь реветь в присутствии своих господ.

— Спасибо, — отчаянно выдавила она сквозь душащие слёзы. — Спасибо вам огромное, госпожа... спасибо... я бы просто не пережила этого долга... она бы меня уничтожила...

— Тише, Деб. Успокойся. Дыши ровнее.

— Она бы наверняка вычла за эту разбитую штуку месяца четыре моего жалования, госпожа. А может, и все долгие десять! Эта ваза... я же знаю, она антикварная, она баснословно дорогая... я клянусь вам всем светом Истока, я не хотела её бить...

— Я прекрасно знаю, что ты этого не хотела. Это обычная случайность.

— А мне... мне так нужны эти деньги... у меня дома в деревне... родители уже еле-еле с кровати встают! У отца сорвана спина после проклятой Бездной работы на рудниках, у матушки глаза совсем слабые стали, она при лучине шить уже почти не может... А я в семье самая старшая, у меня на руках ещё сестрёнка совсем маленькая осталась... Я же каждый месяц отсылаю им в деревню почти всё до последней копейки, себе на жизнь оставляю только-только... на отвары лекарственные... чтобы от болезни какой не помереть...

Она говорила и говорила, захлебываясь обрывками слов и горячими слезами, даже не пытаясь поднять залитое краской стыда лицо. Слоги болезненно налезали друг на друга. В этом сумбурном, отчаянном потоке слов была уже не просто банальная благодарность спасенной прислуги — это был прорыв давно зревшего гнойника. Полгода, год, целых два года. Сколько же времени эта хрупкая девочка копила в себе этот парализующий животный ужас? Ежедневно ходя на цыпочках по этому огромному особняку, до тошноты пересчитывая каждую заработанную медяшку, до дрожи в коленях боясь повернуть дорогую господскую чашку не той стороной?

Я молча стояла и слушала её исповедь. Не пыталась её перебить или успокоить банальными, пустыми фразами. Я просто смотрела на её вздрагивающий затылок, на обнаженную, беззащитную тонкую шею, на выбившуюся прядь у виска.

Когда она, наконец, немного затихла, или, вернее будет сказать, окончательно выдохлась от нахлынувшей истерики, я мягко, без резких движений присела перед ней на корточки и протянула свой собственный кружевной батистовый платок, вытащенный из широкого рукава платья.

— На. Возьми. Вытри лицо.

Она недоверчиво приняла дорогой кружевной платок дрожащими пальцами и с силой прижала его к опухшим, красным глазам.

— Деб.

— Д-да, госпожа? — громко всхлипнула она.

— Послушай меня сейчас очень внимательно. Прямо сейчас ты допьешь эту воду, хорошенько умоешься холодной водой из таза и тихонько пойдёшь спать. А завтра утром ты встанешь и будешь выполнять свою работу ровно так же, как и всегда. Будешь вести себя так, будто сегодняшним вечером вообще ничего не произошло. Договорились?

Служанка судорожно, часто закивала, так и не отнимая батиста от заплаканного лица.

— И ещё кое-что, — я продолжила говорить предельно ровно, мягко, но веско, без привычного командирского нажима. — Ни одной живой душе ни единого слова. Ни про разбитую вазу, ни про то, что ты пряталась у меня в покоях, ни про этот наш с тобой доверительный разговор. Запомни: если госпожа Кардина вдруг решит тебя о чем-то спросить, ты глядя ей прямо в глаза скажешь, что я отправила тебя на кухню за мятным чаем, и ты немного задержалась лишь потому, что дежурный повар не мог его быстро заварить из-за остывшей плиты. Ты всё хорошо поняла?

— Поняла, госпожа. Мятный чай. Не смогли сразу заварить. Я всё запомнила.

— Вот и отлично.

Она медленно опустила скомканный влажный платок на колени. Её глаза всё ещё блестели от слез, но прерывистое дыхание уже начало выравниваться. И сейчас Деб смотрела на меня как-то совершенно иначе, словно впервые в жизни

по-настоящему разглядела черты моего лица.

— Госпожа... — она неуверенно, до крови прикусила нижнюю губу, собираясь с духом. — А скажите... почему вы... почему вы вообще всё это для меня сделали? Вы же могли просто промолчать и... ну... позволить ей вычесть с меня долг...

Конечно, я могла. Без малейших душевных усилий. В своей прошлой, беззаботной и слепой жизни я именно так и поступила: услышала звон разбитого фарфора, не вышла из комнаты, хладнокровно позволила мачехе вычесть с этой забитой девочки больше половины её годового жалования и впоследствии не задала служанке ни единого сочувствующего вопроса.

Я улыбнулась ей. Немного слабо, одними кончиками губ, с легким оттенком накопившейся за этот сумасшедший день усталости.

— Потому что эта дурацкая раскрашенная ваза совершенно не стоила того, что матушка Кардина собиралась с тебя за неё содрать. Вот и всё.

И это была абсолютно чистая правда. Разумеется, далеко не вся правда о моих истинных мотивах спасения, но именно та её безопасная часть, которую в данный момент можно было безболезненно озвучить вслух.

Деб неотрывно смотрела мне в глаза ещё долгую, вдумчивую секунду. А затем очень медленно, с глубоким пониманием кивнула.

— Спасибо вам, госпожа. Я этого никогда не забуду.

— Ступай спать, Деб.

Служанка проворно поднялась на ноги, поклонилась и бесшумно направилась к выходу. Мой мокрый кружевной платок так и остался крепко зажат в её кулаке. Я не стала просить его обратно. У самой дубовой створки двери она неожиданно обернулась.

— Госпожа Лиссандра?

— Да, Деб? Что еще?

— Я... — девушка замялась, мучительно подбирая нужные слова. — Если вам когда-нибудь... если вам вдруг что-нибудь понадобится... любая услуга... вы только скажите мне. Я... я обязательно для вас всё сделаю. Постараюсь, по крайней мере.

И, не дожидаясь моей реакции, она быстро выскользнула за дверь.

Я тут же задвинула за ней тяжелую железную щеколду замка. И долго стояла неподвижно, обессиленно прижавшись горячим лбом к прохладному массиву дерева. А затем медленно, словно из меня разом вытащили поддерживающий позвоночник стержень, сползла по гладкой поверхности вниз и тяжело осела на ковёр у порога. И сидела, крепко обняв руками колени.

В моей голове сейчас было так же оглушительно пусто, как бывает в огромном, опустевшем храме сразу после окончания торжественной службы.

Деб. Мой самый первый успешный шаг. Отлично. Теперь преданная Деб будет безоговорочно на моей стороне. Эта девочка не станет докладывать обо мне Кардине просто потому, что у прозревшей Деб теперь появилась совершенно другая хозяйка. Настоящая хозяйка, которая ценит её человеческую верность гораздо выше куска разбитой глины и которую нельзя безнаказанно вычестить из скудного жалованья.

Это была первая, самая тонкая, но исключительно прочная ниточка в моей новой, смертельно опасной паутине спасения.

Сделав глубокий вдох, я подняла голову. Посмотрела на уютно трепещущий огонь в мраморном камине. На причудливые тени, весело прыгающие по старинной потолочной лепнине и всерьез задумалась — а, собственно говоря, за чем?

Зачем сказочно богатой, обеспеченной Кардине так маниакально тянуть последние жилы со своей бесправной прислуги? Зачем ей вообще нужны все эти бесконечные, мелочные, откровенно садистские штрафы? Эти драконовские вычеты за микроскопическую царапину на фамильном серебре, за невидимое пятнышко на обеденной скатерти, за случайно разбитую вазу, которая, по сути, стоит в разы больше, чем эта несчастная горничная заработает за целый год?

Наш древний дом сказочно богат. Мой слепо любящий отец никогда не скупится на ведение хозяйства и щедро оплачивает абсолютно все счета с огромной лихвой.

Так ради чего ей понадобились эти мелкие, грязные, буквально выжатые из чужого кровавого пота медные монеты?

Озарение ударило мне в голову. Я же прекрасно знала из обрывков будущих тюремных сплетен, куда именно непрерывным потоком утекали эти деньги.

Купальни. Знаменитые «очистительные купальни» в криминальном нижнем квартале столицы, хитро завуалированный под приличное оздоровительное заведение элитный бордель для пресыщенных, скучающих знатных аристократок.

И смазливый, невероятно дорогой раб-купальщик по имени Эрри, на безбедное содержание которого моя безупречная, благочестивая мачеха регулярно и безжалостно спускала абсолютно всё, что только могла тайно наскрести и украсть за спиной у моего ослепленного отца.

Глава 3

Утренняя тишина моей спальни казалась мне идеальной. Я открыла глаза и медленно повернула голову к окну.

Тяжелая портьера была задёрнута неплотно, оставляя узкую серую щель между бархатом и деревянной оконной рамой. Сквозь это стекло было видно, как мокрая ветка клёна неспешно роняет ночные капли. Одна капля срывалась, летела вниз и беззвучно разбивалась о каменный подоконник. Затем собиралась и падала следующая. А между ними повисал долгий, тягучий промежуток времени, в который успевали дважды щёлкнуть старинные часы на каминной полке.

Кап. Щёлк. Щёлк. Кап.

Спустив босые ноги на прохладный ворс ковра, я потянулась за халатом. В дверь очень тихо и осторожно постучали.
— Войди.

На пороге появилась Деб. В одной руке она держала утренний кувшин с водой для умывания, в другой — стопку чистых полотенец, а на сгибе её локтя привычно болтался мой домашний пояс. Щёки у служанки были ярко-красными, грудь вздымалась часто и загнанно. А когда она торопливо ставила кувшин на умывальник, через край даже плеснула вода.

— Ох.

Она стремглав промокнула натекашую лужицу сухим кра-

ем полотенца и подняла на меня абсолютно виноватые глаза.

— Простите, госпожа. Я... я просто...

— Ты совсем запыхалась. Бежала?

— По лестнице, госпожа. — Деб тяжело перевела дух. — На кухне сейчас не то что нормально работать — там даже пройти невозможно. Я думала, меня там в этой суматохе забертит. Еле вырвалась к вам.

— А что у вас там стряслось?

— Госпожа Кардина с самой ночи с кухни не уходит. Велела главному повару наготовить всякого изысканного для вечернего чаепития у леди Каинваль. Эклеры, меренги, какая-то розовая карамель на тонких палочках, и ещё эти... — она забавно наморщила лоб, вспоминая мудреное слово, — ...пти-фуры? Кажется, так.

— Пти-фуры, — со знанием дела подтвердила я.

— Да, они самые. Повар уже третий раз со слезами переделывает кондитерскую глазурь — всё никак не может подобрать нужный оттенок. Госпожа Кардина строго требует приглушённо-сиреневый цвет, а у него выходит то пороссячий розовый, то слишком лиловый. На кухне адская жара, все злые как духи пустоты. Даже старая Агна сегодня помалкивает.

Это был показатель. Агна не молчала вообще никогда. Эта пожилая женщина всю жизнь добродушно ворчала на всех в этом доме, включая самого графа, и её за эту прямолинейность искренне любили. Если уж даже Агна прикусила язык

— значит, мачеха контролировала процесс на кухне лично.
Леди Каинваль.

Я подошла к умывальнику и подставила сложенные лодочкой руки под льющуюся воду. Она оказалась почти горячей — заботливая Деб грела её специально, прекрасно зная, что я по утрам всегда сильно мёрзну.

Умываясь, я закрыла глаза и мысленно пролистала в памяти всё, что помнила про эту самую леди. Вдова влиятельного барона, некогда входившая в личную свиту старой императрицы. Властной особы, что наотрез отказалась выходить замуж за дядю нынешнего правителя и после дворцового переворота весьма «удачно» и быстро скончалась от внезапно-го горя.

Леди Каинваль была яркой сторонницей покойного Аврэмiana. В её роскошном особняке раз в месяц стабильно собирался модный салон, куда съезжался весь столичный двор, который не ленился выезжать из дома — на вкусные пирожные, свежие политические сплетни и пространные религиозные разговоры про скорое пришествие какого-то там вселенского озарения.

В своей прошлой жизни Кардина тоже регулярно ездила туда. Я помнила эти визиты довольно смутно, они хранились где-то на самой окраине моей памяти. Она уезжала нарядная, обычно с коробочками десертов, и возвращалась всегда очень поздно. Интересно.

— Деб, — я плеснула теплой воды в лицо, смывая остатки

сна. — А ты не знаешь случайно, что там за чаепитие намечается именно сегодня? По какому такому особому поводу?

— Не знаю, госпожа. Слуги шептались, что у леди Каинваль сегодня будут присутствовать очень важные гости. Что госпожа Кардина потому и велела приготовить всё по высшему разряду. Но кто именно приедет — нам не говорят.

— Мм. Хорошо.

Я забрала у неё пушистое полотенце и критично посмотрела на себя в зеркало. Лицо оставалось бледным, но уже не казалось болезненно-изможденным. Тёмные круги под глазами почти исчезли — юность брала своё, выступая моим главным спасением. Волосы лишь слегка растрепались после сна. Жить определенно можно.

— Что госпожа выберет из нарядов на сегодня? — Деб уже стояла у массивного шкафа, услужливо приоткрыв деревянную створку. — Что-нибудь попроще и поудобнее. Нам не на бал.

Я решительно прошла к окну и широким жестом отдернула штору, впуская в комнату серый свет.

— Я сегодня собираюсь поехать в город.

Деб резко повернулась ко мне. На её лбу застыла короткая, искренняя удивлённая морщинка. И её можно было понять: в прошлой жизни я безвылазно сидела дома целыми месяцами. За кованые ворота особняка я выезжала либо в закрытой карете с отцом в храм Истока, либо с Кардиной в салон к какой-нибудь её скучной приятельнице. Отправить-

ся гулять одна, да ещё и в город — никогда.

— В сам город, госпожа?

— На большую ярмарку у северных ворот. Очень хочу развеяться. — Я обернулась и коротко улыбнулась служанке.

— И ты поедешь со мной.

— Я?

— Именно ты. Будешь помогать мне нести покупки и смотреть в оба, чтобы меня в толпе случайно не обокрали. Справишься с такой задачей?

— К-конечно, госпожа.

Она всё ещё напряженно держала руку на открытой створке шкафа. Я отчетливо видела, как у неё нервно дёрнулись пальцы, чуть сильнее нужного сжав лакированное дерево. Умная девочка. Быстро соображает, что к чему.

— Тогда доставай серо-голубое шерстяное платье. И мой плотный дорожный плащ с капюшоном — тот, коричневый, с меховой оторочкой. На улице сегодня довольно зябко.

— Сию минуту, госпожа.

Она торопливо двинулась вглубь шкафа, а я снова повернулась лицом к окну. На востоке уже начинало понемногу светлеть. Тонкая розовая полоса рассвета несмело пробивалась над крышами соседних особняков. Утро выдалось пасмурное, хмурое, но главное — сухое. Для прогулки по ярмарке вполне терпимо.

Отец встретил меня в светлой столовой с такой широкой, сияющей улыбкой, словно я не просто обыденно вошла к зав-

траку, а чудесным образом выздоровела после долгой, смертельной болезни.

— Ты сегодня выглядишь просто замечательно, гораздо лучше обычного.

— Доброе утро, отец. — Я подошла и ласково поцеловала его в висок. От него пахло так же уютно, как и всегда — качественным лавандовым мылом и совсем чуть-чуть терпким трубочным табаком, хотя курить трубку лекарь категорически запретил ему еще в прошлом году. — Я и правда сегодня намного лучше спала.

— Ну вот и славно, хвала Истоку. Садись, садись скорее. Кардина! Посмотри только, наша девочка совсем порозовела.

— Прекрасно вижу, дорогой. — Мачеха уже чинно сидела во главе стола на своём привычном месте. Сегодня она была облачена в строгое платье цвета тёмной вишни, с элегантным, высоким и глухим воротом. Её темные волосы были безупречно уложены в сложную, гладкую низкую косу. — Доброе утро, милая. Как тебе спалось?

— Спасибо, просто чудесно.

Я опустила на свой стул. Дежурная горничная тут же бесшумно поставила передо мной изящную фарфоровую чашку и налила свежего чая. Я взяла из корзинки пышную булочку — самую маленькую, щедро присыпанную кардамоном, — и стала медленно, методично намазывать её сливочным маслом.

— Я думаю сегодня съездить на ярмарку, — сообщила я максимально будничным тоном, ровно между первым и вторым глотком горячего чая. — У северных ворот как раз открылась. Слуги говорят, в этом году туда приехало много богатых купцов из самого Силистра.

Отец внезапно просиял.

— Правда? Вот и умница! Свежий воздух пойдет тебе исключительно на пользу, Лиссандра. Обязательно зайди ко мне в кабинет перед выездом — я дам тебе денег на гостинцы и обновки.

Я чуть заметно улыбнулась.

— Право, не нужно, папа. У меня вполне достаточно своих карманных сбережений.

— Какие глупости. Карманные — это карманные на мелкие нужды, а городская ярмарка — это совсем другое дело. Там ведь такие потрясающие кружева привозят! И тонкую шерсть, и редкие заморские пряности. Купи себе обязательно что-нибудь красивое, не скупись. И Кардине тоже присмотри какой-нибудь милый подарок.

От его слов под ребрами болезненно кольнуло.

В моей прошлой, стертой жизни он точно так же давал мне деньги. Не то чтобы очень часто, но регулярно то на шумные именины, то на покупку редкой книги, то просто так, без повода, потому что у него выдалось хорошее настроение после удачной сделки. И тогда я принимала эту финансовую заботу как нечто само собой разумеющееся. Как воздух, которым

дышу. Ведь родители всегда решат твои проблемы, дадут денег и ласково погладят по голове.

А сейчас я сидела за накрытым столом, смотрела в его добрые, лучистые глаза, и мне одновременно невыносимо хотелось броситься ему на шею и в то же время грубо встряхнуть за широкие плечи, заорав прямо в лицо. *Сейчас меня балуешь, а потом будешь стоять в суде, трусливо отве-
дая глаза. Просто потому, что безупречная репутация ока-
жется для тебя гораздо важнее, чем жизнь твоей един-
ственной дочери.*

Я быстро сморгнула наваждение и мягко улыбнулась.

— Обязательно зайду. Огромное спасибо.

— Вот и славно, славно. — Отец с довольным видом потянулся за утренней газетой. Сегодня его чтение шло уже в нормальном, спокойном порядке: сначала скучная политика, затем торговые сводки и светская хроника. Про загадочный ключ — ни единой строчки на первой полосе. Могущественная инквизиция явно настоятельно попросила столичную прессу придержать эту взрывоопасную тему в секрете. — А ты, Кардина, душа моя, не хочешь прокатиться с девочкой? Ей же нужна приличная компания.

Кардина изящно отпила чай и мягко улыбнулась мужу.

— Я бы составила ей компанию с превеликим удовольствием. Ты же знаешь, дорогой, как сильно я люблю шумные ярмарки.

Я предельно аккуратно отложила недоеденную булочку на

край тарелки.

— Ой, матушка, — я посмотрела на неё большими, распахнутыми, полными искренней благодарности глазами. Эту невинную, восторженную интонацию я старательно оттачивала перед зеркалом всю свою прошлую, наивную жизнь. Вынимать её теперь из арсенала и использовать как оружие было даже забавно. — Это невероятно мило с вашей стороны! Но у вас же сегодня такое важное вечернее чаепитие у леди Каинваль. Вам же к приему гостей нужно быть в идеальной форме, отдохнувшей, а не вымотанной после долгой толкотни на ярмарке. И потом, главный повар, как я краем уха слышала, уже в третий раз переделывает глазурь для пирожных — вам там, наверное, ещё предстоит самой всё строго контролировать и проверять.

Кардина на секунду замерла с изящной фарфоровой чашкой у самых губ.

Только на одну мимолетную секунду. Это была такая короткая, контролируемая пауза, что отец её даже не заметил — он уже с интересом разворачивал шуршащие листы газеты.

— А ведь ты совершенно права, Лиссандра, — Кардина плавно, с достоинством опустила чашку на блюдце. В её мелодичном голосе прозвучало лёгкое, светское сожаление. — Представляешь, я за хлопотами совсем забыла о времени. Правда. Ты меня просто спасла своей внимательностью. Она снова ласково улыбнулась. — А с кем же ты тогда поедешь,

милая? Не бродить же тебе в толпе в полном одиночестве.

— Я поеду с Деб. — Я беспечно пожала плечами, словно это было самым естественным решением в мире. — Она девушка расторопная, мне с ней всегда спокойно. И повозку возьму с нашим Дордом, он кучер опытный и надёжный.

— Весьма разумно, милая. Очень разумное решение.

Её красивые глаза тепло улыбались. Её хрупкие плечи были абсолютно расслаблены, а изящные руки с кольцами спокойно покоились на белоснежной скатерти стола. Безупречная, хрестоматийная мачеха, со спокойным сердцем отпускающая любимую падчерицу на невинную городскую прогулку.

Я спокойно доела сладкую булочку. Допила остывающий чай. Изящно промокнула губы льняной салфеткой и поднялась из-за стола.

— Я тогда пойду к себе собираться.

— Конечно, жду тебя, милая, — отозвался отец, не отрывая взгляда от газеты.

Я направилась к выходу и уже у самых дверей услышала за своей спиной ровный, обволакивающе-мягкий голос Кардины:

— Лиссандра, милая? Я медленно обернулась.

— Да, матушка?

— Будь предельно осторожна в городе. На таких людных ярмарках всякое может случиться. Пожалуйста, не снимай перчатки на публике. И ни на шаг не отходи от Дорда.

— Разумеется, матушка. Спасибо за заботу.

Я вышла в просторный коридор, и тяжелая дверь столовой мягко, с глухим стуком закрылась за моей спиной. Только оказавшись в одиночестве, я позволила себе судорожно, с облегчением выдохнуть.

— Деб.

Служанка как раз старательно расправляла на моей застеленной кровати серо-голубое шерстяное платье.

— Да, госпожа?

— У меня к тебе есть одно небольшое, но важное поручение перед нашим выездом. Спустись сейчас на кухню и попроси у Агны собрать нам каких-нибудь булочек с собой в дорогу. Желательно сладких, самых простых, без изысков. Ну и вообще возьми всё, что там без дела найдётся. Можно даже вчерашнюю выпечку. Главное, чтобы по объему вышло побольше.

Деб удивленно подняла светлые брови.

— С собой, госпожа? Прямо на ярмарку?

— Именно. На ярмарку.

— Но... там же на каждом шагу полно лотков со всевозможными сладостями и сдобой. Вы там купите всё гораздо вкуснее и свежее.

— Обязательно куплю. А эти собранные припасы нам очень пригодятся ещё до того, как мы дойдем до лотков.

Она непонимающе смотрела на меня. Я почти физически видела, как в её голове сейчас со скрипом поворачиваются

маленькие шестерёнки. Вчера поздним вечером я не дала ей ровным счетом никакого внятного объяснения и не взяла с неё никакого обещания, только всучила кружевной платок и дала строгое указание врать про чай с мятой. И вот сегодня, с самого раннего утра, я неожиданно беру её, простую служанку, с собой на городскую прогулку и прошу тайно сунуть в дорожную корзину кухонные булочки.

По всем правилам этого дома она имела полное моральное право спросить меня, зачем всё это нужно. Или — что для неё было бы гораздо умнее и безопаснее — вообще ничего не спрашивать, а тихо пойти и доложить Кардине обо всех моих странностях дословно. Но она не спросила. И никуда не пошла доносить.

— Сколько именно выпечки брать, госпожа? — только и уточнила она деловым тоном.

— Ровно столько, чтобы наша дорожная корзина была полной с верхом, но чтобы при этом Агна не подумала, что мы собираемся питаться этими запасами всю долгую зиму. Рассчитывай примерно на десяток голодных детских ртов, я бы так сказала.

— На десяток детских, — эхом повторила Деб. У неё снова чуть нервно дрогнули пальцы — на этот раз крепче сжав расправленную юбку моего платья. Но выражение её лица осталось спокойным и собранным. — Я всё поняла. Хорошо, госпожа.

— Ты просто умница. И ещё одно — если дотошная Аг-

на вдруг начнет расспрашивать, скажи ей, что я хочу пожертвовать эту еду странствующей богомолке у городских ворот. Скажи, что это просто очередная благочестивая прихоть знатной госпожи.

— У северных ворот вечно толпится много просящих, это прозвучит очень правдоподобно.

— Вот и чудно, — улыбнулась я.

Она смотрела на меня ещё долгую секунду. И вдруг тоже робко улыбнулась в ответ. Впервые, пожалуй, за все те три года, что она безмолвной тенью прислуживала мне в этом доме. Лишь одним уголком рта, невероятно осторожно, но это была настоящая улыбка.

— Я всё устрою в лучшем виде, госпожа.

И она стремительно вышла из комнаты. Я долго стояла у окна, задумчиво глядя на мокрую, дрожащую на ветру осеннюю листву. А потом очень тихо, почти про себя, с облегчением произнесла в пустую комнату:

— Умница, Деб. Какая же ты у меня умница.

Отец, как и обещал, принял меня в своём просторном кабинете. Он стоял у массивного дубового стола и сосредоточенно разбирал какие-то рабочие бумаги. Когда я вошла, он поднял голову и снова тепло улыбнулся мне.

— Проходи, Лиссандра. Присаживайся.

Я послушно опустилась в кожаное кресло напротив его стола. Он с легким кряхтением открыл верхний ящик, достал оттуда увесистый бархатный кошелек и со значением

потряс им на широкой ладони. Монеты внутри отозвались приятным звоном.

— Держи. Тут тебе с лихвой хватит на хорошие, качественные покупки. И ещё останется чуть-чуть на всякие девичьи глупости — заморские сладости там, или блестящие безделушки. Мама твоя покойная в твоём юном возрасте просто обожала такие ярмарки. Покупала у торговцев абсолютно всё подряд — шелковые ленты, расписных фарфоровых куколок, дорогие засахаренные фрукты. А вечером мы с ней вместе выставляли все эти купленные куколочки ровным красивым рядком на её туалетный столик, и она так заразительно смеялась...

Светлая грусть мелькнула в его глазах, когда он протянул мне завязанный шнурком кошелек.

Я молча взяла его в руки. Вес мешочка оказался весьма серьёзным. Это была не жалкая горсть дешевых медяков на мелкие карманные расходы — это был полновесный золотой кошелек, содержимое которого можно было легко растянуть на пару месяцев вполне нормальной безбедной жизни. Но лично для меня сейчас эти деньги значили куда больше, чем щедрый отцовский гостинец. Это был мой самый первый, надежный кирпич, заложенный в фундамент моего собственного выживания.

— Огромное спасибо, папа.

— Не за что благодарить, Лиссандра. Ты... — он вдруг неловко поколебался, нервно постучав пухлыми пальцами

по полированной столешнице. — Ты правда в порядке?

— Я в полном порядке, пап. Честное слово. То был просто плохой сон, не более.

— Ну-ну, верю. — Он тяжело вышел из-за стола, подошёл вплотную ко мне и ласково положил руку прямо мне на макушку. Тяжёлую, уютную, бесконечно тёплую отцовскую руку. — Иди, развлекайся от души. Только пообещай вернуться домой до наступления полной темноты.

— Обещаю.

Я порывисто встала. И, поддавшись внезапному порыву, на секунду крепко прижалась щекой к его плечу — очень коротко, но изо всех сил. Он явно удивился этому жесту; обниматься просто так в нашем строгом доме было как-то не принято, я с подросткового возраста всегда этого глупо стеснялась. Но отец тут же неуклюже, тепло приобнял меня в ответ и ласково чмокнул в макушку.

— Ты чего это вдруг раскисла, лисёнок?

— Да ничего, пап. Просто так. Настроение такое.

Я быстро отстранилась. Резко повернулась и стремительно пошла к двери, чтобы он, не дай Исток, не успел увидеть выражение моего лица.

Ты всё равно предашь меня, папа. Запряженная повозка уже ожидала нас у парадного крыльца. Дорд, наш дюжий, широкоплечий кучер лет пятидесяти, с обветренным до красноты лицом и жесткой клочковатой бородой, галантно подержал передо мной кованую подножку. Я ловко забралась

внутри темного салона и с комфортом устроилась на бархатной подушке у самого окна. Следом за мной, кряхтя, залезла Деб с большой плетёной корзиной в руках, надёжно укрытой чистым льняным полотном. От этой корзины одуряюще вкусно тянуло свежей сдобой, пряной корицей и тёплым молоком.

— Куда прикажете править, госпожа? — Дорд уже привычно устроился на высоких козлах, разбирая вожжи.

— Прямиком к северным воротам. Только объезжай через старый Липовый мост, не суйся через центр — там наверняка оживленно сегодня. И прошу тебя, не гони лошадей, я хочу в пути спокойно подумать.

— Как скажете, госпожа. Будет исполнено.

Длинный кнут сухо щёлкнул в воздухе, и тяжелые деревянные колёса плавно тронулись с места. Роскошный отцовский особняк медленно поплыл за моей спиной. Непрístupные серые каменные стены, высокие светлые окна кабинета отца. А на третьем этаже выделялось одно-единственное тёмное окно, плотно, наглухо задёрнутое тяжелой портьерой. Личное крыло Кардины. Я брезгливо отвернулась.

Повозка тяжело выкатилась из наших кованых ворот, свернула на главную городскую аллею и мерно покатила между рядами старых, могучих лип. Их голые, черные от сырости осенние ветки мертвой хваткой сцепились над нашими головами, образуя жутковатую серую сеть. Я задумчиво смотрела на проплывающий мимо пасмурный город и напря-

женно думала о реке.

Мы должны будем пересечь её именно на старом Липовом мосту. Это очень узкий, древний каменный мост с четырьмя массивными опорами и фигурными чугунными перилами, которые лютой зимой всегда густо покрываются инеем и ослепительно горят на солнце сахарной крошкой. В раннем детстве я просто обожала это место.

Отец часто возил меня по нему в главный храм по воскресеньям, и я каждый раз капризно заставляла его остановить повозку ровно на середине пролета, только чтобы завороченно посмотреть вниз, на бегущую воду.

А вода там была совершенно особенная. Непроглядно-тёмная, бурная и коварная. Река в этом месте сужалась, образуя смертоносные ледяные водовороты и стремительные подводные течения. Даже в самую знойную летнюю жару она оставалась обжигающе-холодной. А зимой из-за бешеного напора воды река никогда не замерзала посередине русла, покрываясь тонким льдом исключительно у пологих берегов.

И эту самую реку — именно этот конкретный, зловещий участок прямо у Липового моста — четыреста лет назад городские власти активно использовали для массовых казней.

Я прекрасно помнила эти леденящие душу факты из старинных книг, которые гувернантки читали мне вслух в детстве. Четыреста лет назад, в смутные времена первой инквизиции, когда после легендарного заточения повелителя Бездны по всей расколотовой империи начали безжалостно вылав-

ливать скрытых магов пустоты, несчастных топили именно в этой черной реке.

Палачи намертво связывали им руки за спиной, привязывали к лодыжкам пудовый мельничный камень и безжалостно сбрасывали прямо с перил Липового моста. Под этим мостом зияла страшная глубина, а мощное подводное течение мгновенно подхватывало и уносило жертв прочь. Из той ледяной пучины не всплывал никто. Никогда.

Именно поэтому в простонародье это проклятое место прозвали — тихие воды. Злая, горькая ирония, ведь река здесь яростно ревела и билась о каменные опоры, а тихими навсегда становились лишь те, кого она забирала на дно.

В хрониках писали, что за одно только кровавое лето инквизиторы утопили там больше двухсот человек. Здоровых мужчин, молодых женщин, испуганных подростков. Безобидных старух, которых завистливые соседи огульно обвинили в порче дойной коровы. Девочек-подростков, у которых не вовремя и слишком ярко прорезался запретный магический дар. Одного, как гласила страшная городская легенда, совсем крошечного семилетнего мальчика — хотя церковники до сих пор с пеной у рта спорили, что это, мол, уже гораздо более поздние исторические приписки, придуманные врагами исключительно для того, чтобы очернить светлый образ святой инквизиции.

Мой отец этот мрачный кусок городской истории категорически не любил. На наивный вопрос маленькой меня: «Па-

па, а почему тех людей бросали прямо в реку?», он всегда недовольно хмурился и уклончиво отвечал: «Это всё было очень давно, лисёнок. Сейчас цивилизованные люди так жестоко не делают». После чего он торопливо пересаживал меня на другую сторону экипажа, чтобы я смотрела на сияющие золотом церковные колокольни, а не в бурлящую воду.

Я рассеянно прижала озябшие пальцы к холодному, запотевшему стеклу повозки. И только в этот момент окончательно поняла, почему меня так непреодолимо тянет именно к этой реке. Именно к этому проклятому историей мосту.

И дело было далеко не только в том, что тихие воды — это объективно самое гиблое место во всем городе с мощным подводным течением, а значит, самое идеальное и надежное укрытие, чтобы утопить ключ от врат Бездны так, что никакие ищейки инквизиции его в жизни не найдут.

А потому, что триста с лишним невинных душ когда-то уже приняли там мучительную смерть ровно за то же самое «преступление», за которое суд приговорил к смерти и меня. За врожденный дар пустоты.

Утопить украденный ключ именно в этой неистовой реке — не просто злая ирония. Это станет идеальным возмездием.

Я зло, торжествующе усмехнулась своим мыслям. *«Пламенный привет, святая инквизиция. Мы тут с неупокоенными предками решили немного перетасовать ваш привычный исторический реквизит. Искренне надеюсь, вы не буде-*

те сильно возражать?»

— Госпожа? — обеспокоенный голос Деб вырвал меня из мрачных раздумий. Девушка, видимо, уже несколько минут пристально наблюдала за выражением моего лица. — Вы опять так страшно побледнели. Вам нехорошо?

— Всё в полном порядке, Деб. Я просто глубоко задумалась.

— О чём, госпожа, если это не секрет?

— О нашей реке.

Служанка тоже с любопытством посмотрела в окно. Старый мост был уже совсем близко, над покатыми крышами приземистых домов показалась его знаменитая каменная арка с вырезанными рычащими львами по углам.

— А... — Деб понимающе и очень тихо протянула. — Это же тихие воды.

Я с интересом повернулась к ней.

— Ты тоже знаешь историю этого места?

— Конечно знаю, госпожа. У нас в деревне старики часто шепотом говорили, что если бросить в эту глубокую реку что-нибудь по-настоящему тяжёлое и искренне попросить о помощи, то... — она густо смутилась и отвела взгляд, — ...ох, это такая глупость, госпожа, вы уж простите мою темноту.

— Продолжай. Говори, как есть.

— Ну... в народе говорят, что там, глубоко на речном дне, до сих пор живут неупокоенные души утопленников. И если

им сделать правильное, щедрое подношение, они могут исполнить твою самую заветную просьбу.

— И какие же подношения эти души больше всего любят?

— Бросают серебряные монеты. Иногда свежий хлеб. Или, если уж приспичило просить о чем-то очень сильном и важном, бросают в воду что-нибудь невероятно ценное, по-настоящему дорогое сердцу. — Она испуганно помолчала, озираясь. — Но это всё темные деревенские суеверия, господа. Святая инквизиция за такие разговоры очень сильно ругает и наказывает.

Я криво улыбнулась своему отражению в темном стекле.

— Ругает, говоришь... Ну-ну.

Наша повозка с грохотом выкатилась на старинный мост. Обитые железом колёса загудели по влажной брусчатке совершенно иначе — звук стал заметно глуше, смешавшись с низким, утробным гулом открытой воды. Я отодвинула скрипучее стекло и смело высунула голову наружу.

Далеко внизу неистово бурлила тёмная, пугающе-быстрая река. Она с яростью разбивалась о каменные быки моста, закручиваясь в воронки. В её свинцовых, пенящихся волнах искаженно отражалось хмурое пасмурное небо, голые верхушки плакучих лип и одна-единственная белая чайка, тревожно кружащая над парапетами. Я полной грудью вдохнула холодный, пронизывающий ветер, остро пахнувший речной тиной и ледяной влагой.

Здравствуйте, уважаемые неупокоенные предки. Меня

зовут Лиссандра Вазль. И я к вам очень скоро обязательно зайду с роскошным подарком. Уж вы, пожалуйста, постарайтесь, чтобы ваше подводное течение унесло его как можно дальше.

Тяжелая повозка благополучно съехала с моста, направляясь в трущобы. Я молча задвинула и защелкнула стеклянное окно.

Огромная ярмарка у северных ворот встретила нас оглушительным, пестрым гвалтом.

Первым делом в нос ударил густой, сбивающий с ног коктейль запахов: жареных на углях сладких каштанов, обжигающе-горячего вина с пряной гвоздикой, дымящегося на огромных вертелах жирного мяса, свежеиспеченного дрожжевого хлеба.

К ним щедро примешивался запах едкого лошадиного навоза, мокрой шерстяной ткани от одежды прохожих, едкого сапожного дёгтя и чьих-то невыносимо резких, дешевых духов. Дальше на меня обрушилась какофония звуков. Истошные крики базарных зазывал, противный скрип несмазанных тележных колёс, залиvistый лай бродячих собак, восторженный визг потерявшихся детей и жалобное бляенье коз, которых грязные пастухи гнали прутьями прямо по узкому проходу между торговыми лотками.

— Стой здесь, Дорд, — громко бросила я кучеру, перекрывая шум толпы. — Никуда не уезжай и жди. Если вдруг мы ко всенощной службе не вернёмся, немедленно ищи нас

у храма святых жён в центре.

— Понял вас, госпожа. Буду ждать тут.

Я смело шагнула из экипажа прямо на грязную мостовую, преданная Деб спрыгнула следом за мной. Большая плетеная корзина с горячими кухонными булочками тяжело и многообещающе покачивалась на её согнутом локте.

Я плотнее накинула на голову глубокий меховой капюшон дорожного плаща. Не то чтобы меня тут каждая собака знала в лицо — благородную дочь затворника графа Ваэль на простонародной ярмарке никто отродясь в глаза не видел и в лицо не упомнит, — но лишний, надежный слой конспирации в моем положении точно не повредит.

— Куда мы пойдем, госпожа? — робко спросила Деб, пугливо озираясь по сторонам.

— Для начала — туда, где народу поменьше. Мне надо спокойно осмотреться на местности.

Мы решительно углубились в бесконечные торговые ряды. Я шла нарочито медленно, расслабленной походкой богатой зеваки, делая скучающий вид, что придирчиво рассматриваю выставленные товары.

Я даже купила у какойто пожилой силистрийки пару красивых шелковых лент — темно-зелёную и цвета насыщенного бордо. У румяного пекаря приобрела два обжигающе-горячих пирожка с лесными грибами: один щедро отдала изумленной Деб, второй оставила себе. Мы с наслаждением ели их прямо на ходу, обжигая замерзшие пальцы о горячее те-

сто.

Служанка смотрела на меня огромными глазами, так, будто впервые в своей жизни видела благородную знатную хозяйку, которая без стеснения ест стоя посреди улицы, прямо из голых рук, совершенно ни от кого не прячась.

Если честно, я действительно так ела впервые в жизни.

В моей прошлой, тепличной реальности благовоспитанная Лиссандра, чудом выбравшись на городскую ярмарку, чинно ходила бы под ручку со строгой матушкой. Она послушно брала бы с прилавков ровно то, что эта матушка благосклонно одобрит, и брезгливо клала бы покупки в корзину идущему следом лакею. И она бы уж точно ни в коем случае не лущила бы горячий, сочащийся маслом пирожок голыми пальцами, спрятавшись в простом коричневом плаще с капюшоном.

Я медленно шла сквозь шумную толпу, внимательно сканируя взглядом окрестности. Я, кажется, только сейчас начинала в полной мере осознавать, почему в своей прошлой жизни я была такой непроходимо, феноменально глупой и слепой. Когда тебя с самого рождения заботливо и крепко водят за руку, ты не учишься ходить самостоятельно.

Вскоре мой взгляд зацепился за то, что я подсознательно искала. Чуть левее.

Я незаметно скосила глаза в указанном направлении.

У самого глухого края торгового ряда, зажатый между воюющими лотками с дешевой кожаной мелочёвкой и огромны-

ми бочками с мочёными яблоками, зиял темный, узкий проход в грязный переулок. В этом темном проходе, устало при-слонившись тощими спинами к холодной кирпичной стене, сидели на корточках трое оборванных детей.

Двое ребят были постарше. На вид им было лет десять-одиннадцать. Невероятно тощие, изможденные, закутанные в безразмерные залатанные куртки с чужого плеча. У них были не по-детски острые, колючие и пугающе взрослые глаза. Мальчишки.

Третьей в этой компании была девочка. Совсем крошечная — лет пять, может, от силы шесть. Её некогда нарядное платьице, изначально, видимо, бывшее ярко-синим, теперь стало сплошным куском липкой серой грязи. Абсолютно босые, покрасневшие от холода ноги. На её худенькой щеке наливался чернотой длинный, ещё свежий, не заживший страшный синяк. Девочка сидела зажатая между мальчиками-подростками, уткнув грязное лицо в острые коленки, и крупно тряслась — то ли от холода, то ли от беззвучного плача.

Мимо этой жалкой троицы непрерывным потоком равнодушно шли люди. Одни горожане брезгливо отводили глаза в сторону. Другие виртуозно делали вид, что вообще в упор не видят замерзающих детей. Один особенно тучный, богато одетый купец в лисьей шубе, проходя мимо, со злобой наподдал тяжелым сапогом погнутую жестяную кружку, сиротливо стоявшую на камнях перед мальчишками, в которую

беспризорники, видимо, просили подавание. Кружка со звоном отлетела в сторону и ударилась о стену. Жалкие собранные медяки с жалобным звоном брызнули во все стороны, рассыпавшись по грязной брусчатке.

Мальчишки тут же с отчаянием бросились в грязь собирать свои драгоценные монеты. Маленькая девочка на коленях испуганно подняла голову, и в этот момент я отчетливо увидела её лицо. Маленькое, до невозможности острое, с огромными, ввалившимися серыми глазами.

Я прекрасно знала таких потерянных детей. Их сотнями можно было встретить в каждом крупном городе огромной империи, они стайками крутились у каждой шумной ярмарки, попрошайничали у каждого богатого храма. Брошенные дети, которых абсолютно никто в этом мире не искал. Дети, которых в самом лучшем случае сердобольно подбирали храмы Истока, и которых навсегда увозили в закрытые монастырские приюты, из чьих стен половина воспитанников не возвращалась живыми, а выжившая вторая половина возвращалась с навсегда искалеченной психикой. В худшем же случае — их подбирали с улиц совсем другие, очень страшные люди, и об этой участи я сейчас думать категорически не хотела.

Ни один из этих ужасных вариантов сейчас не имел для меня никакого значения.

Важно было совершенно другое. Они могли знать, где мне найти того, кто выполнит мою просьбу.

Таких специфических людей не находят на светских приемах в приличных аристократических гостиных. Их имена не рекомендуют respectable знакомые за чашкой чая. К таким дельцам, если ты сам не родился и не вырос в их криминальной среде, вообще практически невозможно подступиться живому. Мне жизненно необходим свой проводник в этот мир. Кто-то, кому безоговорочно доверяют те, с кем нужно вести опасные переговоры.

А маленьких детей улицы, промышляющих на ярмарке у северных ворот, в лицо знает вся местная преступность. Сами же дети улицы феноменально знают в лицо всех тех, кто постоянно работает в городской тени: и ловких воров, и безжалостных контрабандистов, и жадных скупщиков краденого, и именно тех людей, кто украл из главного храма Истока артефакт.

Я решительно сделала три шага вбок, сойдя с дороги, и остановилась прямо перед сжавшимися детьми.

— Деб. Дай мне нашу корзину.

— Госпожа?.. — служанка опешила от такой просьбы.

— Деб, я сказала — дай корзину. Немедленно.

Она послушно и молча протянула мне тяжелую плетенку. Я резким движением сняла с неё льняное полотно. Одурачивающий запах свежей выпечки ударил в нос.

Старший из мальчишек-оборванцев тут же вскинул голову. Его глаза мгновенно сделались узкими, настороженными и откровенно недобрыми. Он быстро, по-звериному лов-

ко шагнул вперёд, надёжно заслонив собой трясущуюся маленькую девочку. Это был инстинктивный защитный жест, до автоматизма отработанный за какую-то не очень длинную, но чудовищно жестокую жизнь на улице.

— Чего надо, богатая госпожа? — враждебно и сипло буркнул он, исподлобья глядя на меня.

— Ничего не надо. Вот, держи. — Я плавно наклонилась и бережно поставила корзину с едой прямо на грязную брусчатку перед его босыми ногами. — Это всё вам. Свежие булочки, сладкие пряники, там на самом дне есть еще пара хороших яблок. Вся выпечка сегодняшняя, только что с нашей домашней кухни. Еда не отравлена, можете не сомневаться.

Он недоверчиво, невероятно быстрым, подозрительным взглядом — метнувшимся буквально на долю секунды — заглянул в полную корзину. А затем снова медленно поднял на меня свои колючие, ко многому привыкшие глаза.

— Зачем ты нам это даешь?

— Просто потому, что я могу это сделать.

Это была в корне неправильная, фальшивая причина благотворительности. Настоящая причина была совершенно другой, куда более циничной. Но свою настоящую причину я этому уличному волчонку раскрыть ещё не могла — не здесь, не посреди базарного гвалта, и уж точно не с ходу.

Он буравил меня тяжелым, недетским взглядом ещё одну бесконечную секунду. А потом невероятно осторожно, не делая резких движений, медленно потянулся и достал из кор-

зины одну-единственную румяную булочку и бережно разломил её пополам: большую, сытную половину молча отдал своему младшему брату, а кусок поменьше — не глядя протянул за спину, замершей девочке.

— Ори, — сказал он ей поразительно тихо и ласково. — Возьми. Поешь.

Девочка пугливо высунулась из-за его широкой засаленной куртки и жадно приняла кусок хлеба своими крошечными, перепачканными в саже руками. Она неотрывно посмотрела на меня. Вблизи её огромные серые глаза казались ещё более бездонными. В них не было ни капли слёз, ни тени улыбки. Ребенок просто молча смотрел мне прямо в душу. От этого недетского взгляда у меня снова болезненно сдавило горло.

— Ори, — ласково повторила я. — У тебя невероятно красивое имя.

Малышка медленно, по-совьи моргнула. И, к моему абсолютному, искреннему удивлению, вдруг сказала — тоненьким, хрустальным, тихим голосом:

— Спасибо вам большое, госпожа.

Это были самые первые нормальные человеческие слова, которые эта забитая кроха вообще при мне произнесла. Старший мальчишка даже удивлённо повернулся к ней: видимо, по своему обыкновению, она крайне редко достаивала чужих людей разговорами.

Я, ни секунды не раздумывая, прямо в дорогом шерстя-

ном платье присела перед детьми на корточки. Мой чистый, отутюженный подол немедленно лег прямо в липкую ярмарочную грязь. Деб, напряженно стоявшая за моей спиной, предсказуемо и приглушенно охнула от такого вопиющего нарушения всех правил аристократического этикета.

— Как вас зовут, парни? — спросила я, глядя на братьев.

Старший подозрительно прищурил свои острые глаза.

— А вам-то это зачем знать?

— Меня зовут Лис. — Я осознанно не стала называть свое полное имя «Лиссандра». Я назвала себя именно так, как меня в детстве ласково называл отец. — И мне позарез нужен один очень специфический человек в этом огромном городе. Я подумала, что, может быть, именно вы точно знаете, у кого на этой ярмарке об этом лучше всего спросить.

Мальчишка задумчиво, очень медленно сунул в рот оставшийся в руке маленький кусок булочки. Тщательно прожевал его. Ни на секунду не сводя с меня своего цепкого взгляда.

— Что именно это за человек, госпожа Лис?

— Это тот, кто виртуозно умеет находить чужие вещи. Даже такие ценные вещи, которые очень надежно спрятаны. Даже такие вещи, которые сейчас очень сильно и жестоко охраняют.

Он ещё раз медленно прожевал хлеб. Громко сглотнул.

— И что же это за вещь такая?

— Эту тайну я скажу только тому самому человеку лично.

Не вам. Вам я скажу только, что такой специалист мне сейчас жизненно необходим. И я готова очень щедро его отблагодарить за помощь. И вас — за ценную наводку — я тоже не забуду отблагодарить.

Мальчишка многозначительно, без слов переглянулся со своим младшим братом. Младший, на вид лет десяти, весь усыпанный яркими рыжими веснушками, едва заметно кивнул старшему.

— Ладно, договорились, — уверенно сказал старший, поднимаясь с корточек во весь рост. Он оказался совсем невысоким, едва доставал мне по плечо. — Идите прямо за нами. Только тихо, не привлекайте внимания. И эту полную корзинку, госпожа Лис, пока оставьте прямо здесь, у стены. Мы за ней потом обязательно вернемся и всё заберём.

Я плавно поднялась с грязной брусчатки, отряхивая подол.

— Деб, — я строго обернулась к своей побледневшей служанке. — Ты останешься ждать меня тут. Стой у этой лавки с яблоками и никуда не уходи.

— Госпожа Лиссандра, вы что задумали?! — Деб в настоящей панике вцепилась мне в рукав плаща, от ужаса совершенно позабыв про всякую субординацию. Глаза у неё стали круглыми, как блюдца. — Куда вы собрались идти с этими уличными оборванцами? Это же самые настоящие трущобы, там в подворотне убить могут за медную монету!

— Деб, тише. Успокойся, — я попыталась её утихоми-

ритель.

— Пойдемте немедленно обратно к повозке, умоляю вас! Вы же там пропадёте! А если с вами что-то случится, госпожа Кардина с меня живой шкуру спустит! Я никому ни словечка не скажу про эти кухонные булочки, клянусь, только давайте уйдем отсюда! Пожалуйста!

— Деб. Выдохни и послушай меня, — я мягко, но абсолютно непреклонно отцепила её ледяные пальцы от своего рукава. — Со мной всё будет в полном порядке. Мне нужно туда пойти, и я пойду. А ты останешься ждать меня тут. Стой здесь и никуда не уходи.

Она всхлипнула, беспомощно и затравленно глядя на темный провал переулка.

— Но госпожа...

— Если я не вернусь ровно через один час, — строго продолжила я, чеканя каждое слово, чтобы пробиться сквозь её панику, — немедленно иди к Дорду и скажи ему, чтобы он быстро ехал прямо домой без меня. Если будут спрашивать, скажешь, что мы случайно разминулись в толпе. Ты потеряла меня из виду и не смогла найти. Ты всё поняла? Это прямой приказ.

Она снова всхлипнула, отчаянно кусая дрожащие губы. Спорить с прямым приказом хозяйки она не посмела.

— П-поняла, госпожа, — вырвалось у неё вместе с судорожным вздохом. — Только умоляю вас, умоляю светом Источа, будьте там осторожны...

— Обязательно постараюсь, Деб.

Я ещё ниже надвинула на глаза тяжелый меховой капюшон своего плаща.

Старший мальчишка заботливо, с неожиданной для его возраста силой подхватил маленькую Ори на руки, и это несмотря на то, что сам он был невероятно тощим, кожа да кости. Младший веснушчатый брат деловито пошёл далеко вперёд, разведывая и показывая нам безопасную дорогу. Мы стремительно свернули с главной площади в узкий переулок — невероятно тёмный, кривой, насквозь пропахший гнилой скисшей капустой и мокрым, холодным камнем.

За нашими спинами постепенно стихал пестрый, веселый ярмарочный гвалт. А впереди нас ждала глухая, зловещая тишина городских трущоб, в которой гулко и тревожно отдавался только наш собственный торопливый шаг.

Я бесстрашно шла за двумя худыми, оборванными детьми в чужой, ранее совершенно незнакомой мне криминальной части города. И, как ни странно, именно здесь я чувствовала себя в тысячу раз спокойнее и безопаснее, чем в роскошном отцовском особняке.

Глава 4

Старший мальчишка шагал по кривым улочкам невероятно быстро. Его младший брат держался в авангарде, ровно на два шага впереди, и время от времени настороженно оглядывался через щуплое плечо, проверяя, не отстала ли я.

Я не отставала. Подол моего платья уже безнадежно волочился по липкой, грязной брусчатке, а тонкая левая подошва кожаной туфельки промокла насквозь от уличной жижи. Но мне было абсолютно всё равно.

Мы стремительно свернули из одного мрачного переуллка в ещё один, оказавшийся значительно уже и темнее предыдущего. Затем нырнули в какой-то проходной двор-колодец с хаотично развешанным на веревках сырым бельём и огромной, мутной лужей во всю ширину прохода. Воздух здесь был спертым, густо пахло гнилыми помоями, скисшей капустой и мокрым печным углём. Мальчишки ориентировались в этом каменном лабиринте вслепую.

Крошка Ори неподвижно сидела на руках у старшего брата. Она не издавала ни звука, лишь крепко обхватила его худую шею тонкими ручонками и доверчиво прижалась грязной щекой к плечу. Глаза у неё были широко открыты. Девочка неотрывно смотрела на меня поверх его плеча не мигая и внимательно, словно маленький совёнок.

Я тепло, ободряюще улыбнулась ей. Она не ответила на

улыбку. Просто продолжила молча изучать моё лицо.

Наконец мы вышли к глухому торцу длинного, мрачного кирпичного дома. То ли заброшенному складу, то ли старой купеческой мастерской, с наглухо заколоченными досками окнами и опасно просевшей крышей. Младший мальчишка приложил грязные пальцы к губам и пронзительно свистнул: два коротких, резких звука и один протяжно-длинный. Буквально через пару секунд из-за сырого угла высунулась вихрастая голова. Это был ещё один пацан, чуть постарше моих проводников, на вид лет тринадцати, с застарелым шрамом на рваной губе и крайне настороженным, цепким прищуром.

— Кого это ты ведёшь за собой, Крис? — хрипло спросил дозорный.

— Свою, — глухо буркнул старший мальчишка, который нёс Ори. — Веду её прямо к Тому.

Вихрастая голова мгновенно исчезла. Спустя минуту из-за того же кирпичного угла неспешно вышел сам хозяин территории. Широкоплечий, коренастый мужчина в невероятно драной, выдавшей виды кожаной куртке, абсолютно босой. Он остановился в паре шагов и медленно, с профессиональной дотошностью осмотрел меня с головы до ног. Его тяжелый взгляд надолго задержался на качестве моего плаща, на тонких кожаных перчатках, на изящной серебряной застёжке у самого горла.

— Заходите.

Он без видимых усилий отодвинул тяжелую деревянную

доску прямо в кирпичной стене. Как оказалось, целая секция фасада хитроумно ходила на скрытых петлях, работая как идеальная потайная дверь. За этой иллюзией прятался полутёмный, узкий коридор, от которого густо пахло подвальной сыростью и тяжелым свечным нагаром. Я бесстрашно шагнула внутрь.

Комната, в которую меня в итоге привели, оказалась совсем маленькой, с давяще низким потолком, но зато натопленной и тёплой. В углу жарко гудела старая железная печь, на которой тихо закипал пузатый, закопчённый до черноты чайник. Из мебели здесь было лишь два шатких деревянных табурета. На стене был вбит толстый гвоздь, а на нём висел масляный фонарь, щедро заливающий тесное пространство теплым жёлтым светом.

За широкой, неструганой доской, брошенной поверх строительных козел вместо стола, неподвижно сидел человек.

Он был невысоким и поразительно сухим. На вид ему было лет сорок, может, даже немного больше, по его лицу было крайне трудно определить точный возраст. Сплошные резкие углы, глубокие морщины и жесткие тени. Маленькие, невероятно быстрые и цепкие глаза имели холодный цвет мокрого речного камня. Его руки спокойно покоились на столешнице, пальцы оказались несоразмерно длинными, узловатыми, с въевшейся уличной чернотой глубоко под ногтями.

Он даже не подумал встать, когда я переступила порог. Лишь медленно поднял на меня свой немигающий взгляд.

— Том, — подал голос Крис, стоящий прямо за моей спиной. — Она к тебе по делу.

— Прекрасно вижу, — отозвался мужчина. Его голос оказался обманчиво тихим и абсолютно ровным. На лице не дрогнул ни один мускул, не появилось ни капли дежурного интереса или улыбки. — Присаживайся, красавица.

Я покорно опустила на жесткий табурет прямо напротив него. Мальчишки тактично остались ждать за дверью.

Том молча изучал меня. Я так же молча, не отводя взгляда, смотрела на него.

— Итак, тебе позарез нужен человек, который профессионально находит спрятанные вещи? — нарушил он густую тишину.

— Всё абсолютно верно.

— И какие же именно вещи тебя интересуют?

— Всего одна конкретная вещь.

— Какая именно?

Я взяла короткую, напряженную паузу, взвешивая все риски. Затем твердо сказала:

— Ключ от врат Бездны, который украли из главного храма Истока.

В крошечной комнате повисла оглушительная тишина.

Том даже не моргнул. Он просто продолжал сидеть в прежней расслабленной позе и неотрывно смотрел на ме-

ня своими непроницаемыми глазами. Создавалось стойкое ощущение, будто я только что буднично заявила ему, что хочу купить на рынке мешок гнилой репы, а не самый разыскиваемый магический артефакт во всей империи.

— И зачем же он тебе понадобился? — так же ровно поинтересовался вор.

— Это совершенно не твоё дело.

— Как раз-таки моё, — спокойно и веско возразил он. — Потому что если ты, леди, по дурусти хочешь с его помощью открыть врата Бездны, то мне такой исход совершенно не нужен. Я, знаешь ли, в этом городе живу. Мне тут ещё дышать хочется.

Я чуть наклонилась вперёд, сокращая разделяющее нас расстояние, и коротко, невесело усмехнулась.

— Выдыхай, Том. Во-первых, я понятия не имею, как именно открываются эти проклятые Врата. А во-вторых, я совершенно точно не настолько глупа, чтобы пытаться это выяснить. Жить мне хочется ничуть не меньше твоего.

Том едва заметно, оценивающе прищурился.

— Тогда зачем он тебе сдался?

— Потому что в этом городе есть очень опасные люди, которые как раз отлично знают, как им пользоваться. И очень хотят это сделать. А если у них всё-таки получится, мы все окажемся в такой ситуации... что потерянный ключ, окажется сущим пустяком.

Том медленно потёр свой жесткий подбородок. Его длин-

ные грязные ногти с громким скрежетом прошли по многодневной щетине.

— Ты из знатных кровей, — это прозвучало не как вопрос, а как неоспоримая констатация факта.

— Да.

— Из каких именно?

— Из таких, что за мою сохранную голову тебе отсыпят золота гораздо больше, чем ты когда-либо сможешь выручить за этот проклятый ключ. Тебе такой гарантии хватит?

Он усмехнулся.

— Деньги вперёд, — безапелляционно заявил он.

— Деньги — только после результата.

Том отрицательно покачал головой.

— Я так никогда не работаю, леди. Слишком большие риски.

— А я так никогда не плачу.

Мы снова погрузились в тяжелое, давящее молчание. Том задумчиво побарабанил своими узловатыми пальцами по неструганой доске стола. Я сидела идеально прямо, чинно сложив руки на коленях, и упрямо не отводила от него взгляда. Я прекрасно осознавала, что именно в эти самые секунды решается моя судьба: примет ли этот криминальный авторитет меня всерьёз или просто со смехом выставит за дверь.

— Поступим вот как, — прервала я затянувшуюся тишину. — Основные деньги ты получишь строго после работы. Но щедрый задаток я дам прямо сейчас.

Уверенным жестом я достала из-под полы своего плаща увесистый бархатный кошелёк, который дал мне отец. Положила его на стол и плавно развязала шелковый шнурок. Тяжелые монеты внутри тихо, но красноречиво звякнули. Том даже не прикоснулся к мешочку. Только внимательно посмотрел на блестящее содержимое. А потом снова перевел пронзительный взгляд на моё лицо.

— Здесь чистое золото, — констатировал он.

— Здесь чистое золото, — подтвердила я. — И это только задаток. Вся остальная сумма будет твоей, когда искомый ключ окажется у меня в руках.

— А сколько именно составит это твоё «остальное»?

— Ровно столько, чтобы ты, Крис, его младший брат, малышка Ори и абсолютно все дети, кто с тобой сейчас работает, могли позволить себе сыто спать и не воровать хотя бы до самой весны.

Он замолчал, глядя на меня очень долгим, пронизывающим взглядом. А затем спокойным, будничным жестом взял кошелёк и деловито убрал его со стола во внутренний карман своей потрепанной куртки.

— Ладно, убедила, — ровно сказал он. — Я хорошенько поищу. Если найду концы, то пришлю к тебе Криса. Он будет околачиваться у северных ворот каждый божий день ровно к полудню. Если же не найду никаких следов, то твой кошелёк верну в целости.

— Меня это полностью устраивает.

— И ещё одно условие. — Он чуть наклонил голову вперёд, и в его глазах блеснул холодный металл. — Если ты меня по глупости обманула, и прямо сейчас за тобой по пятам идёт городская стража, то я мгновенно исчезну. И ты меня больше в этом городе не найдёшь. Нигде и никогда.

— Это абсолютно справедливо.

Он коротко кивнул и плавно встал из-за стола. Наша странная аудиенция была официально окончена. Я с облегчением поднялась с жесткого табурета и направилась к спасительной двери.

Мальчишка Крис привычно довёл меня обратно до шумной ярмарки тем же самым кривым, запутанным путём. Вынырнув из переулка, он тут же подхватил оставленную у стены полную корзину с выпечкой, коротко кивнул на прощание и стремительно умчался обратно в спасительную темноту трущоб.

У лавки с мочёными яблоками меня преданно ждала Деб. Едва она увидела мою приближающуюся фигуру в плаще, сразу выдохнула с таким невероятным облегчением, словно весь этот прошедший час дышала через раз.

— Госпожа Лиссандра! Хвала Истоку, я уже думала...

— Всё в полном порядке. Идём скорее.

Мы для отвода глаз ещё немного побродили по торговым рядам исключительно для вида, чтобы оправдать своё долгое отсутствие. На свои карманные деньги я купила отцу дорогой ароматный табак, хотя лекарь категорически запре-

тил ему курить. Купила для Деб красивый шерстяной платок благородного серого цвета, невероятно тёплый и мягкий. Она в панике попыталась отказаться от такого дорогого подарка, но я силой сунула ей его прямо в руки и строго сказала: «Бери и не спорь, тебе нужнее». Для Кардины я взяла несколько атласных лент глубокого благородного цвета. Вскоре мы благополучно сели в повозку и покатали обратно домой.

Я напряженно молчала всю обратную дорогу. Деб тоже не проронила ни слова. Лишь когда наша повозка с грохотом въехала в родные кованые ворота, служанка предельно тихо, почти одними губами спросила:

— Госпожа... вы ведь точно знаете, что именно вы делаете?

Я устало посмотрела в её испуганные преданные глаза.

— Я искренне на это надеюсь, Деб. Очень на это надеюсь.

На следующее утро, сидя за семейным завтраком, я самым будничным тоном объявила:

— Папа, я хочу сегодня съездить по столичным храмам.

Отец мгновенно поднял голову от утренней газеты. Его глаза потеплели, словно кто-то невидимый только что зажёл внутри него яркую свечку.

— По святым храмам? — он с явным удовольствием отложил шуршащую газету в сторону. — Вот это действительно праведное дело. Давно пора было об этом подумать, лисёнок. Давно пора.

— Да, — я скромно опустила длинные ресницы, мастерски изображая благочестивую печаль. — Хочу сначала посетить главный храм трёх лучей, а потом, может быть, заехать в маленькую часовню святой Авриэль на набережной. Хочу помолиться за упокой мамы. Поставить за неё свечу.

Отец буквально расцвёл на глазах. Он вообще всегда трогательно расцветал каждый раз, когда я упоминала свою покойную мать. Это было его самым больным, самым уязвимым местом. И мне было до тошноты стыдно так цинично им пользоваться в своих целях. Но, к сожалению, не настолько стыдно, чтобы отказаться от этого плана прямо сейчас.

— Конечно поезжай, милая. Обязательно поезжай.

— Какая же ты у нас умница, — Кардина умиленно улыбнулась мне из-за своей изящной чашки. — Очень правильное, взрослое решение. Твоя бедная матушка Вивер была бы несказанно рада такому порыву.

Каждый божий раз, когда лицемерная Кардина своими губами произносила святое имя моей матери, у меня внутри что-то коротко, до боли болезненно сжималось в ком. Родное имя матери в её лживых устах звучало омерзительно, и я не знала почему меня так это раздражало.

— Благодарю вас за поддержку, матушка, — я максимально мягко и покорно улыбнулась ей в ответ. — Вы всегда так безгранично добры ко мне.

— Возьмёшь с собой Деб в качестве компаньонки?

— Конечно, матушка.

— Ну вот и хорошо, милая. Вот и славно.

Она грациозно отпила свой чай и с аппетитом вернулась к пышному бисквиту.

Ближе к полудню расторопная Деб помогала мне одеться для выезда.

— Нет, только не это, — я мягко отстранила дорогое платье, которое служанка привычно вытащила из недр шкафа. Оно было бледно-голубым, богато украшенным тонкими кружевами, идеально подходящим для светских визитов. — Я ведь еду молиться, а не на бал. Достань что-нибудь предельно простое и не слишком броское. Закрытое, тёмных тонов.

Деб понимающе кивнула.

— Тогда, может быть, то тёмно-коричневое, из плотной шерсти? У него совсем нет украшений, только строгая серая оторочка.

— Да, это подойдёт просто идеально. Неси его.

Спустя полчаса закрытая повозка выехала из кованых ворот нашего особняка и плавно покатилась по широкой столичной аллее. Кучер Дорд правил лошадьми в абсолютном молчании. Я ещё накануне строго велела ему ехать прямо-ком к набережной, остановиться у часовни святой Авриэль и больше ни о чем меня не спрашивать. Когда мы свернули за крутой угол и высокая каменная ограда дома Ваэлей окончательно скрылась за густыми деревьями, я решительно задёрнула плотные занавески на обоих окнах экипажа. В салоне

повозки мгновенно стало полутемно и тесно.

— Деб.

— Да?

— Раздевайся. Немедленно.

В полутьме повисла недоуменная пауза.

— Простите... Что вы сказали?

— Мы прямо сейчас меняемся с тобой платьями. Давай скорее. У нас в запасе есть от силы минут десять, пока Дорд не довезет нас до набережной.

— Госпожа, я не могу... это же невыносимо...

— Деб. Пожалуйста.

Она потрясенно смотрела на меня в полутьме раскачивающейся повозки. Я отчетливо видела, как нервно ходят её напряженные скулы.

— Вы... вы правда хотите, чтобы я... надела ваше платье?

— Я хочу, чтобы ты надела моё платье, плотно накинула на плечи мой дорогой плащ, максимально низко опустила капюшон на глаза и сходила в храм. У меня уйдет примерно час. Может быть, полтора. Ты дождешься меня в храме и мы вместе вернемся в повозку.

— А что в это время будете делать вы?

— А я пойду по своим делам. Но пойду в твоём скромном платье служанки. Тихо, быстро, сделаю всё необходимое и сразу вернусь обратно.

— По своим делам, — эхом повторила она. Голос у неё снова предательски дрогнул от нарастающей паники. — Гос-

пожа Лиссандра, умоляю, скажите мне честно, куда именно вы идёте в таком виде. Пожалуйста. Мне за вас очень страшно.

Я тяжело помедлила, взвешивая, стоит ли говорить ей правду. Потом всё же решилась:

— В очистительные купальни.

В салоне повисла мертвая тишина. Было слышно только скрип деревянных рессор. А потом Деб с силой выдохнула, выпустив воздух через нос, словно кто-то невидимый с размаху ударил её кулаком прямо под дых.

— В элитные купальни?! — она от шока совершенно забыла, что нужно шептать. — Да там же... там же содержат рабов для утех! Там же сплошной разврат! Госпожа, вы в своем уме?! Какие у знатной незамужней леди вообще могут быть тайные дела в купальнях?!

— Исключительно мои личные, важные дела, Деб. И я совершенно не собираюсь делать ничего непотребного с рабами, если ты вдруг подумала об этом.

— А о чём мне ещё прикажете думать?! Молодая, невинная женщина, тайно переодевается в лохмотья служанки и среди бела дня лезет в самый известный бордель столицы... — Она в ужасе осеклась, прикрыв рот ладонью. — Ох, простите меня, госпожа. Простите за дерзость. Но я просто отказываюсь это понимать. Вы ведёте себя... вы ведёте себя невероятно странно и пугающе все эти последние дни. Я совершенно ничего не понимаю из того, что происходит!

— Ты и не должна пока ничего этого понимать. Ты должна мне просто безоговорочно доверять. Она замолчала.

Повозка мерно покачивалась на неровной каменной мостовой. Где-то снаружи громко крикнул проезжающий извозчик, ему в ответ раздалась забористая портовая ругань.

— Деб, — сказала я предельно мягко и убедительно. — Поверь, всё будет хорошо. Я точно знаю, что именно я сейчас делаю. Мне для этого нужен всего один час времени. Ты просто сходишь в храм и подождешь меня. Ничего плохого ни с тобой, ни со мной не случится.

Она колебалась ещё несколько мучительных секунд. А затем, опустив глаза, обреченно начала расстёгивать верхние мелкие пуговицы своего форменного серого платья.

— Один час, — сказала она глухим, сорванным голосом. — Запомните, госпожа: если вас не будет здесь через полтора часа — я плюну на все приказы и сама пойду в этот вертеп за вами.

— Договорились.

Мы торопливо переоделись в жуткой тесноте качающейся повозки, неловко путаясь в юбках и постоянно задевая друг друга локтями. Моё скромное тёмно-коричневое платье село на фигуру Деб на удивление неплохо. Мы были с ней примерно одного роста и телосложения, хотя служанка оказалась чуть уже меня в плечах. Её простое серое платье с крахмальным белым передником уютно пахло хозяйственным мылом. Я туго затянула тесёмки передника и тщательно

собрала свои роскошные волосы в строгий пучок.

— Ну, как я тебе? — я с улыбкой повернулась к ней. Деб критически оглядела меня с ног до головы в царящем полумраке салона. — С первого взгляда вас точно не узнают, — вынесла она вердикт, чуть помедлив.

— С такой прической и без косметики у вас становится совершенно другое, простое лицо.

И хоть это не звучало, как комплимент, но мне все равно понравилось.

— Вот и славно. Именно это мне и нужно.

Повозка мягко затормозила. Мы приехали. Снаружи шумела набережная.

— Засекай время, Деб.

— Хорошо, госпожа. Удачи вам.

Я юркой тенью выскользнула из повозки на улицу, придержала дверь для Деб, а когда она пошла к храму поспешила за ней.

Небольшая часовня святой Авриэль скромно стояла на самом углу шумной набережной. Она выделялась своими чистыми белыми стенами, сверкающей на солнце медной крышей и узкими, невероятно красивыми витражными окнами. К её главному входу вела широкая, ухоженная аллея, по которой каждое утро и вечер неспешно прогуливались самые добропорядочные, богатые прихожане города.

Я огляделась, не смотрят ли на нас с Деб, а затем деловито свернула за угол часовни, юркнула в неприметную боковую

улочку и прошла мимо храмовых ворот, ни на секунду не замедляя шаг.

Ровно в трёх кварталах от святого места, в глухом тупике между вечно парящей прачечной и старой, заброшенной лудильной мастерской, стояло ничем не примечательное здание из тёмного, закопченного кирпича. Приземистое, угрюмое, с плотно зашторенными от посторонних глаз окнами и единственной массивной дубовой дверью без какой-либо рекламной вывески. Над входом тускло горел дежурный фонарь с мутноватым, нечищеным стеклом. И пахло от этой закрытой двери отнюдь не мыльным раствором прачечной. Оттуда густо и призывно тянуло чем-то дурманящим, пряным, обволакивающе тёплым. Экзотическими аромамаслами, сладкими благовониями и влажным нагретым камнем.

Это и были очистительные купальни. Я без колебаний толкнула тяжелую дубовую дверь.

Сразу за порогом меня встретила банная теплынь, интимная полутьма и убаюкивающая тишина. Передо мной раскинулся длинный коридор с давяще низким потолком, полностью выложенный дорогой тёмной плиткой. Каменный пол под моими ногами был чуть влажным и скользким. В арочных нишах по стенам уютно горели свечи, но не обычные восковые, а дорогие масляные светильники с густым желтоватым пламенем. Пряный запах здесь стал многократно сильнее.

У главного входа никто не дежурил. Не было ни грозно-

го привратника, ни охраны с лишними вопросами. Я смело шагнула глубже внутрь, и тяжелая дверь за моей спиной плавно, с мягким щелчком закрылась сама собой, мгновенно и наглухо отсекая весь шумный уличный мир.

А затем я слышала шаги. Удивительно мягкие, босые, почти беззвучно ступающие по мокрой керамической плитке. Из-за поворота освещенного коридора неспешно вышел мужчина.

Он оказался очень высоким. Я едва доставала ему макушкой до подбородка. Широкоплечий, с длинными сильными руками и густыми тёмными волосами, небрежно перехваченными простым кожаным шнурком на затылке. Его лицо было потрясающе красивым. Пожалуй, даже слишком благородно красивым для простой obsługi обителi разврата. У него были высокие аристократические скулы, идеально прямой нос, умные тёмные глаза, спрятанные под тяжёлыми, волевыми бровями. На классического грубого воина-охранника он совершенно не походил. Скорее, он напоминал утонченного книжного учёного, которого по какой-то злой насмешке раздели до пояса, повязали на крепких бёдрах белоснежное льняное полотно и насильно поставили встречать похотливых гостей в элитном борделе.

На его левом обнаженном предплечье тускло поблескивал массивный бронзовый браслет. Рабский ошейник. С выгравированным фирменным знаком этих купален.

Мужчина остановился в двух шагах передо мной и чуть

почтительно склонил голову, приветствуя гостью.

— Добро пожаловать в столичные очистительные купальни. Меня зовут Сайс. Я буду вашим личным проводником на сегодня.

Его голос оказался на удивление спокойным и глубоким. Он говорил ровно, с очень лёгким, интригующим незнакомым акцентом — невероятно певучим, как будто каждое произносимое слово он сначала смаковал и перекатывал во рту, прежде чем выпустить наружу.

— Здравствуйте, — коротко отозвалась я.

— Вы посещаете нас впервые? — Он окинул мою скромную одежду служанки коротким, профессиональным и абсолютно равнодушным взглядом. — Прошу простить меня, если я ошибаюсь в своих выводах.

— Вы правы. Я здесь впервые.

— В таком случае, позвольте мне проводить вас к гостевой раздевалке. При самом первом посещении нашего заведения каждому гостю бесплатно предоставляется опытный сопровождающий. Вы можете выбрать его сами, на свой изысканный вкус, и делать с ним абсолютно всё, что только пожелаете.

Я растерянно моргнула, сбита с толку такой прямолинейностью.

— Совершенно всё?

— Абсолютно всё, госпожа, — он сказал это ровным тоном, без малейшей тени смущения, без многозначительной

паузы или сальной усмешки. — Вплоть до воплощения ваших самых тайных и тёмных желаний. Это наш главный негласный принцип. В этих стенах нет ничего запретного.

Горячая, пульсирующая кровь мгновенно ударила мне в лицо, и я почувствовала, как мои щёки запылали пунцовым маковым цветом. Но я краснела вовсе не от девичьего стыда или смущения. Я краснела от закипающей, бессильной злости.

Я стояла и в упор смотрела на этого человека, объективно красивого, явно образованного и неглупого мужчину, и с горечью думала о том позорном бронзовом браслете, что сковывал его руку. О том несправедливом факте, что его наверняка привезли в это мерзкое место силой, совершенно не по его доброй воле. О том, что брошенные им слова «делать с ним абсолютно всё, что пожелаете» были вовсе не красивой рекламной метафорой для привлечения клиенток, а суровой, уродливой реальностью.

В этом заведении он был просто живой вещью. Красивой, послушной вещью для пресыщенных, скушающих богатых аристократок, которые тайком приезжали сюда предаваться разврату, и уезжали домой с извращенным чувством полнейшего «духовного очищения». Очистительные купальни. Какое же лицемерное, безупречно лживое название.

Я с трудом сглотнула подступившую к горлу злость и коротко кивнула.

— Показывайте дорогу.

Отведенная мне раздевальня оказалась совсем маленькой, но безупречно чистой и уютно тёплой. Стены были выложены приятным светлым камнем, а кафельный пол был комфортно подогрев изнутри. На простой деревянной полке меня дожидалась аккуратно сложенная белоснежная сорочка, сшитая из тончайшего, невесомого льна, длиной примерно до колен.

Сайс оставил меня в комнате одну. Я переоделась невероятно быстро, с тревогой сняв с себя платье служанки и одним движением натянув прохладную сорочку через голову. Тонкий лён сначала лёг на разгоряченное тело приятной прохладой, но затем быстро согрелся от моего тепла. Я критично посмотрела на свое отражение в настенном зеркале. Босые незащитные ноги на тёплом камне, полупрозрачная белая ткань, под которой не было абсолютно ничего, кроме обнаженной кожи.

Мне было дико неуютно. Я чувствовала себя максимально уязвимой и незащитной. Ощущения были примерно такие же, как тогда, когда стоишь на эшафоте, когда палач уже успел накинуть на незащитную шею колючую пеньковую верёвку.

Я со скрипом стиснула зубы, собирая волю в кулак. И смело вышла в коридор.

Сайс терпеливо ждал меня у дверей. Он даже не попытался посмотреть на мои босые ноги, хотя в такой ситуации жадно посмотрел бы любой другой мужчина. Он просто де-

журно кивнул и послушно пошёл впереди, уверенно указывая сложную дорогу.

Мы вскоре вышли в потрясающе просторный зал. Низкий сводчатый потолок, уютно коптящие масляные лампы по всему периметру стен, а у самой дальней стены выстроились в ряд широкие, удобные каменные скамьи, заботливо застеленные чистым белым полотном. И на этих скамьях сидели мужчины.

Их было человек пятнадцать. Может быть, даже около двадцати. Все они были облачены в точно такие же минималистичные белые полотна на бедрах, и все с одинаковыми позорными бронзовыми браслетами на левой руке. И абсолютно все они были невероятно красивы. Каждый по-своему: один был жгучим брюнетом с опасной, грациозной кошачьей мягкостью в широких плечах; другой — ослепительно светлым, почти пепельно-белым, очень жилистым парнем с суровым шрамом, пересекающим бровь; третий — ярким, огненно-рыжим, невероятно широкогрудым здоровяком с милыми юношескими веснушками даже на могучих ключицах. Четвёртый — совсем еще тонким, хрупким, почти мальчишеского телосложения юношей с огромными, испуганными зелёными глазами.

Они лениво посмотрели на вошедшую меня без малейшего интереса. Так совершенно не смотрят голодные мужчины на красивую полуобнаженную женщину. Так усталые, вымотанные рутиной работники смотрят на очередного, ничем не

примечательного нового клиента — привычно, равнодушно и с легкой долей профессиональной скуки.

— Вы можете выбрать любого из присутствующих, — мягко подсказал Сайс, стоя у меня за спиной.

Я внимательно, оценивающе обвела весь зал долгим взглядом. А потом резко повернулась лицом к своему проводнику. Он стоял чуть позади меня, почтительно сложив сильные руки за спиной, его лицо выражало спокойствие. Он не пытался рекламировать свои услуги. Не навязывал свою кандидатуру. Он просто покорно ждал моего вердикта.

— Я выбираю вас, — твердо сказала я. — Разумеется, если вы сами не против моей компании.

Он чуть заметно, иронично приподнял густые брови, и это легкое движение стало единственным признаком, выдавшим его искреннее удивление моей вежливостью. Затем он так же равнодушно и покорно кивнул.

— Как пожелаете, госпожа. С чего именно вы предпочитаете начать сеанс? Расслабляющий массаж, горячая парная, теплые термы? Или же... — он сделал короткую, многозначительную паузу, — ...вы сразу предпочитаете полное уединение в приватной комнате?

— Для начала — парная, — поспешно ответила я, обрывая его намеки.

— Тогда следуйте за мной.

Горячая парная оказалась небольшой, уютной комнатой, заботливо выложенной гладкими каменными блоками и об-

ставленной широкими деревянными лавками. В самом темном углу на массивной железной решётке раскалились до пугающего багрового цвета круглые гранитные камни. Воздух здесь был обжигающе горячим и густым. Но мне было невероятно хорошо.

Сайс галантно усадил меня на самую верхнюю, самую жаркую лавку, а сам скромно присел на корточки у небольшого железного таза с чистой водой. В эту воду он начал методично капать какую-то жидкость из пузатого глиняного флакона — густую, тёмную эссенцию, потрясаяще пахнущую свежей лесной хвоей и чем-то терпким, горьковатым.

— Сайс, — позвала я.

— Да, госпожа?

— Мы можем с вами просто откровенно поговорить? Без формальностей.

Он продолжил плавно размешивать воду в железном тазу деревянным черпаком, даже не потрудившись поднять голову.

— Вы вправе спрашивать меня в этих стенах о чём угодно. Любой ваш каприз.

— Как именно вы оказались в этом заведении?

Его сильная рука с черпаком внезапно замерла. Деревянный ковш так и застыл на полпути к раскаленным камням. Прошла одна долгая секунда. Затем вторая.

А потом он с силой, размашисто плеснул пахучую воду прямо на багровые камни. Печь угрожающе, по-змеиному

зашипела. Густой, обжигающе-горячий пар с силой ударил вверх и мгновенно заволок небольшую комнату непроницаемой молочной дымкой. Сквозь эту плотную пелену пара я видела только его размытый тёмный силуэт.

— Меня взяли в плен в бою, — ответил он наконец. — Ровно пять лет назад. В кровавой битве при Карнэ. Мне тогда неудачно перебило ключицу тяжелым арбалетным болтом, я потерял сознание и упал, а после сражения меня просто подобрали мародеры. Ну а всё остальное произошло в строгом соответствии с вашими имперскими законами: пленный маг пустоты, захваченный с оружием в руках на поле боя. Официальный статус — пожизненный раб. До выкупа или до самой смерти.

Он излагал эти жуткие факты невероятно ровно, избегая кровавых подробностей, без малейшей тени жалости к себе или тоски.

— Битва при Карнэ, — задумчиво повторила я.

Я отлично знала это историческое название. Это было последнее, самое масштабное и кровопролитное сражение жестокой войны. Позорной военной кампании, которую в наших книгах пафосно и лицемерно именовали «Великим карательным походом против магов пустоты». Ровно шесть лет назад, после нападения на империю, регулярные войска нашей империи вторглись на территорию Двуречья — крошечного, мирного государства, населённого магами пустоты. И за два года беспощадной резни они стерли его с лица земли

почти полностью. Древние города сожгли дотла. Мирное население рассеяли по миру. А тех несчастных, кто чудом не погиб в огне и не успел бежать — заковали в кандалы и обратили в вечное рабство.

И я не была уверена, что эта участь лучше той, которая постигла магов пустоты четыреста лет назад.

— В наших книгах пишут, что вы вероломно напали первыми, — осторожно заметила я.

Сайс хрипло рассмеялся в ответ. Он зачерпнул ещё одну порцию воды и снова с силой плеснул её на раскаленные камни. Новая порция обжигающего пара густыми клубами поднялась к деревянному потолку.

— О, в ваших имперских книгах пишут очень много чего интересного, — с горькой иронией сказал он. — Увы, реальная правда всегда звучит куда скучнее и грязнее. Дело в том, что наши маги отродясь не нравились высокомерным хранителям вашего Истока. Абсолютно любые дипломатические переговоры между нашими государствами всегда сводились к одному и тому же наглому ультиматуму: мы, по их мнению, — неискоренимая скверна, наш врожденный дар — это смертельная порча, а само наше существование на этой земле — прямая угроза вашему священному мировому порядку. И вот однажды эти бессмысленные переговоры предсказуемо закончились. Ваши тяжеловооруженные войска подло перешли пограничную реку глубокой ночью. Без малейшего предупреждения. Без официального объявления войны.

Первое, что мы вообще узнали о начале этой бойни, — это полыхающие крыши жилых домов в мирной Тальме.

Он тяжело помолчал, собираясь с мыслями.

— Наше Дворечье было крошечным миролюбивым государством. Простые земледельцы, рыбаки, немного искусных ремесленников. Наш пресловутый дар Пустоты, он ведь невероятно слабый, ласковый, как ваш утренний весенний ветер. Мы физически никому не могли угрожать. Но наша вина состояла в другом. Мы активно искали способ освободить из заточения нашего повелителя. И вот именно за это — да, скрывать не стану, именно за эту дерзость — ваши власти нас безжалостно и показательно уничтожили.

— Освободить? — я от удивления невольно подалась вперёд, едва не свалившись с верхней полки. — Самого повелителя Бездны? Но во имя чего?! Он же... нам с детства говорят, что он же абсолютное зло во плоти. Древнее, кровавое чудовище, которое тысячелетиями уничтожало миры и...

Сайс медленно повернул голову и посмотрел на меня. Впервые за весь наш странный разговор — посмотрел прямо, открыто, глаза в глаза. Сквозь густую пелену пара.

— Его зовут Рэйнд, — тихо, но очень твердо сказал он.

Я потрясенно замолчала, проглатывая готовые сорваться с языка проклятия.

— Его зовут Рэйнд, — настойчиво повторил маг. И это имя он произнёс совершенно иначе, чем остальные слова

— гораздо мягче, с глубоким, благоговейным придыханием, как будто это было не прозвище мифического монстра из детских сказок, а имя бесконечно уважаемого, живого человека. — И он никогда не был абсолютным злом. По крайней мере, далеко не всегда. Мои погибшие родители рассказывали мне предания о том, что когда-то он был невероятно мудрым правителем. Исключительно честным. Бескомпромиссно справедливым. И что в ледяную тюрьму Бездны его заключили подлым обманом. Коварно заманили в ловушку под предлогом мирных переговоров, а потом внезапно захлопнули за ним ворота и провернули магический ключ.

Он снова горько усмехнулся своим мыслям.

— Мой истребленный народ отдал бы очень многое, лишь бы вернуть его обратно в этот мир. — Он философски пожал широкими плечами. — Хотя, откровенно говоря, кто теперь знает, что именно с ним стало за эти четыреста лет одиночества. Может быть, в темноте Бездны он давно и окончательно обезумел от ярости. Может быть, он действительно со временем превратился именно в то самое обезумевшее чудовище, которым его так любят рисовать ваши напуганные храмовые художники. Поверьте, четыреста лет в абсолютной, глухой темноте изоляции — это... это чудовищно много для любого разума. Лично я бы такого печального исхода категорически не исключал.

Сайс замолчал и снова невозмутимо принялся методично помешивать пахучую воду в железном тазу.

А я продолжала неподвижно сидеть на обжигающе-горячей лавке. Крупные капли пота градом стекали у меня по пульсирующим вискам, по покрасневшей шее, струились по напряженной спине. И мне почему-то казалось, что этот банный жар прямо сейчас смывает с меня не просто уличную грязь, а слой за слоем снимает всё то лживое мировоззрение, которому меня так старательно учили с самого рождения.

Рэйнд. Оказывается, у безымянного, проклятого повелителя Бездны было настоящее имя. Не пафосный титул, не устрашающее прозвище, а простое, человеческое имя.

Мне внезапно стало невыносимо жарко. По-настоящему, удушающе жарко, и дело было вовсе не в густом паре от камней, а в том пожаре, что разгорался у меня глубоко внутри.

— Знаете, здесь стало слишком горячо, — хрипло сказала я, поднимаясь. Сайс тут же учтиво поднялся следом.

— Хотите перейдём в другое помещение? Могу предложить расслабляющий массаж или...

— Прохладные термы, — перебила я.

— Как скажете.

Мы молча шли по длинному коридору: я шлепала босиком по тёплой напольной плитке, а он плавно скользил ровно на полшага впереди, указывая путь. Густой пар из парной здесь уже полностью рассеялся, воздух стал приятно прохладным, и я с облегчением чувствовала, как разгоряченная кожа на моих плечах мгновенно покрывается россыпью мурашек.

— Скажите, Сайс, — негромко спросила я в спину проводнику. — А вообще много к вам сюда ходит знатных посетительниц?

Он коротко, иронично хмыкнул, даже не потрудившись обернуться.

— Вполне достаточно для процветания бизнеса.

И больше не добавил ни слова. Эту скользкую тему он виртуозно закрыл одним-единственным неопределенным звуком.

Вскоре мы вошли в просторные термы. Огромную, роскошную комнату с глубоким бассейном, дно которого было искусно выложено дорогой смальтовой мозаикой. Вода в бассейне оказалась идеально горячей, с чуть зеленоватым, изумрудным оттенком от растворенных в ней целебных аромасел. Настенные лампы здесь горели очень мягко, создавая интимный, неяркий свет. Легкий пар стелился по зеленоватой воде прозрачным слоем.

Я с наслаждением спустилась по мраморным ступеням прямо в воду. Горячо. Невероятно хорошо. Моё вечно напряженное тело расслабилось в этой воде почти мгновенно. Это было похоже на то, как будто абсолютно все тугие нервные узлы, которые я остервенело вязала внутри себя последние сумасшедшие дни, вдруг разом ослабли и развязались.

Сайс покорно и неподвижно стоял у самого края бассейна, ожидая моих распоряжений.

И именно в этот расслабляющий момент из не приметного

бокового входа в термы вальяжно вышел другой мужчина.

Он тоже был весьма высоким, но при этом значительно шире стройного Сайса в кости, куда более тяжелым и массивным. У него были литые, бугрящиеся мышцами плечи, короткая, толстая бычья шея и жесткие, очень коротко стриженные светлые волосы. На его левом мощном предплечье красовался точно такой же рабский бронзовый браслет, как у всех остальных. Вот только рядом с ним, плотно прилегая поверх дешевой бронзы, сверкал ещё один ослепительно золотой браслет. Узкий, изящный, невероятно дорогой. Этот статусный браслет смотрелся на его руке как настоящий ошейник для породистого пса.

Этот светловолосый гигант прошел мимо меня, даже не удостоив мимолетным взглядом, и вплотную остановился прямо перед Сайсом.

И тут же грубо заговорил.

Я совершенно не понимала этого гортанного языка, но хамский, уничижительный тон говорил сам за себя. Грубый, резкий, брошенный надменно сверху вниз. Каждое свое ругательство светловолосый с наслаждением бросал прямо в невозмутимое лицо Сайса, и каждое обидное слово явно достигало своей цели.

А Сайс просто молча стоял. Его плечи сейчас были униженно опущены. Голова покорно, рабски склонена к груди. Руки заведены за спину и намертво сжаты в кулаки. Я видела, как до синевы побелели костяшки его напряженных паль-

цев. Но он даже не пытался огрызаться в ответ. Ни слова поперек. И только тогда, когда светловолосый наглец, наконец, закончил свою гневную тираду, Сайс произнёс одну-единственную короткую фразу, очень тихо, процедив её сквозь плотно сжатые зубы. Это прозвучало как нечто, похожее на вынужденное, болезненное признание чужого абсолютного старшинства и власти.

Удовлетворенный светловолосый презрительно хмыкнул, круто развернулся на пятках и самодовольно удалился прочь.

Сайс ещё несколько долгих секунд стоял на месте, глядя в пол. Затем невероятно медленно, с видимым трудом разжал побелевшие кулаки. И только после этого повернулся ко мне. Его красивое лицо снова было идеально ровным, непроницаемым и абсолютно пустым. Как заново натянутый, девственно-чистый холст перед художником.

Он молча, не спрашивая разрешения, спустился ко мне в воду, грациозно присел на широкую подводную ступень и уверенно взял мою ногу. Я инстинктивно, испуганно дёрнулась назад.

— Что вы делаете...

— Расслабляющий массаж стоп, — ответил он заученным тоном. — Это наша обязательная, базовая часть посещения терм. Это самое малое, что я обязан для вас сделать по регламенту.

— Но я вас об этом не просила.

— Вам и не нужно ни о чем меня просить, госпожа. Это уже включено в стоимость вашего визита.

Его длинные пальцы были невероятно сильными и обжигающе горячими от термальной воды. Он уверенно нажал на свод моей стопы. И та застарелая, ноющая мышечная боль, которую я, оказывается, всё это время носила в себе, даже не подозревая о ней, вдруг мгновенно отпустила.

Я пораженно замолчала. Мои щёки снова запылали огнем. Я неловко отвернулась, уставившись в сводчатый потолок, и изо всех сил старалась думать о чём угодно на свете, только не об этих сильных чужих руках, так уверенно скользящих по моим ногам.

— Кто это сейчас был? — осторожно спросила я, когда ко мне, наконец, вернулся дар речи. — Тот светловолосый человек. Почему он смел так по-хамски с вами разговаривать? Вы же оба находитесь здесь на абсолютно равных правах.

Сайс чуть слышно усмехнулся. Даже не поднимая на меня своих глаз.

— Поверьте, далеко не совсем на равных. Того человека зовут Эрри, и он полностью выкупленный раб. У него появилась очень богатая, влиятельная хозяйка. Она щедро платит руководству купален огромные деньги за его эксклюзивное содержание здесь, и взамен за это абсолютно никто в этом здании не смеет к нему даже пальцем прикоснуться, кроме неё самой. Он находится здесь... на очень особом, неприкосновенном положении.

Я потрясенно замерла, забыв, как дышать.

Эрри.

Это короткое имя прошло сквозь моё сознание, словно раскаленная, острая иглолка сквозь тончайшую ткань. Эрри. Раб-купальщик, баснословно дорого выкупленный безумной хозяйкой.

Личный раб моей безупречной мачехи Кардины, на которого она спускала баснословные суммы.

Конечно, мой визит сюда был ради того, чтобы разузнать о нем, как можно больше, но я даже не надеялась увидеть его.

Вода в бассейне тихо и успокаивающе плескалась у каменных стенок. Сайс тем временем продолжал мастерски массировать мою стопу.

— Скажите, а раба в вашем заведении действительно можно выкупить? — спросила я, изо всех сил стараясь, чтобы мой дрожащий голос звучал как простое, праздное женское любопытство. — Выкупить насовсем?

— Насовсем — это, простите, как именно? — Сайс бережно переложил мою расслабленную правую ногу на подводную ступень и аккуратно взялся за левую. — После совершения сделки покупки раб начинает принадлежать своей новой хозяйке полностью и безраздельно. По закону она имеет право делать с ним всё, что её душе угодно. Хоть безнаказанно убить в подвале. Хоть благородно отпустить на все четыре стороны, даровав вольную.

— И многих ли из вас вот так отпускают на свободу?

— Ни одного, — отрезал он ледяным тоном. — По крайней мере, на моей долгой памяти такого чуда не случилось.

Я с жалостью посмотрела на его покорно склонённую голову. На его густые тёмные, мокрые волосы, тяжелыми прядями прилипшие к сильной шее. На тусклый бронзовый браслет, зловеще поблёскивающий под слоем зеленоватой воды.

— А лично вы? — спросила я очень тихо, почти шепотом. — Вы бы сами хотели, чтобы какая-нибудь госпожа вас выкупила отсюда?

Он резко вскинул голову. И впервые за весь этот долгий, сумасшедший день я наконец-то увидела в его красивых глазах что-то по-настоящему живое. Там плескалось нечто обжигающе горячее, быстрое и дико яростное. Эмоция, которая тут же была виртуозно спрятана обратно за привычную маску покорности.

— Если этот выкуп произойдет не ради дарования мне свободы, — глухо, с ненавистью процедил он, — то я предпочту лучше прямо сейчас сдохнуть в этих стенах.

Я бесстрашно выдержала его тяжелый, пылающий взгляд.

— Тогда я могу вам в этом помочь, Сайс, — твердо сказала я.

Он потрясенно замер. Его сильные руки, массирующие мою стопу, мгновенно остановились. Горячая термальная вода тихо, с легким журчанием плескалась в напряженной тишине между нами.

— Кто вы такая? — хрипло спросил он, не веря своим ушам.

Я выдержала паузу. Молчала одну долгую секунду. Затем вторую. И лишь потом с абсолютной уверенностью произнесла:

— Я — тот человек, которому позарез нужен надежный союзник. Союзник, Сайс. А вовсе не покорный раб.

Глава 5

Сайс смотрел на меня сквозь редеющую завесу пара. Термальная вода тихо и лениво плескалась между нами, и в этой вязкой тишине было отчетливо слышно, как уютно потрескивает фитиль в ближайшей масляной лампе.

— Союзник, — медленно повторил он, произнеся это так, словно пробовал незнакомое слово на вкус и находил его подозрительно сладким.

— Именно союзник, — твердо подтвердила я. — А вовсе не покорный раб.

— Это очень красивые слова, госпожа. В этих стенах их произносят довольно часто, но, как правило, говорят их прямо перед тем, как попросить у раба что-нибудь даром.

— Я не прошу ничего даром. Я предлагаю вам взаимовыгодную сделку.

Он неторопливо, с нарочитой грацией откинулся на подводную ступень, и по изумрудной воде мгновенно разошлись ленивые круги.

— Я вас внимательно слушаю.

Я уверенно выпрямилась. Мокрая белая сорочка неприятно липла к плечам, обрисовывая тело, но свою девичью стыдливость я предусмотрительно оставила в гостевой раздевалке вместе со скромным платьем служанки. В жизни наступают такие переломные разговоры, для которых сму-

щение становится непозволительной роскошью.

— Сюда ходит одна весьма знатная дама, — спокойно начала я. — Ходит регулярно. К тому самому светловолосому Эрри, чьё выдающееся красноречие вы совсем недавно имели удовольствие выслушать молча. Эта дама — моя мачеха.

Лицо Сайса не дрогнуло, но его длинные пальцы, расслабленно лежавшие на каменном бортике бассейна, на одно короткое мгновение напряженно сжались.

— Я точно знаю, что она тратит на его содержание деньги. Очень большие деньги, — продолжила я, глядя ему прямо в глаза. — Деньги, которых у неё быть не должно. Она тянет их из жалований нашей прислуги, бессовестно кроит из хозяйственных расходов, берет из личных средств моей покойной матери. Из моего законного приданого, Сайс. Из того, что по праву рождения принадлежит мне и что она ловко прибрала к рукам, пока я по своей наивности улыбалась ей за семейными посиделками.

— И чего именно вы хотите от меня в этой ситуации?

— Мне нужны железобетонные доказательства. Точные даты её визитов. Суммы, которые она здесь оставляет. Имена тех распорядителей, через которых идут её деньги. Мне нужно абсолютно всё, что подтвердит один простой факт: безупречная графиня Ваэль годами носит ворованное золото в самый известный бордель столицы.

Он молчал довольно долго. А потом криво и совершенно без веселья усмехнулся.

— Вы хоть примерно понимаете, о чём сейчас просите? Эрри — выкупленный раб. Он здесь абсолютно неприкосновенен. Его могущественная хозяйка платит этому заведению столько золота, что сам управляющий купален лично пробует его вино, прежде чем подать к столу. Если я вдруг начну подозрительно рыться в административных журналах и таскать чужие расписки, он узнает об этом гораздо раньше, чем я успею донести до вас эту информацию. В этом месте не бывает секретов, госпожа. Мы с ним спим в одной душевой комнате, едим за одним столом и моемся в одной воде.

— А я вовсе и не прошу вас где-то рыться и что-то таскать. — Я азартно подалась вперёд. — Я прошу вас просто запоминать. Дни недели. Часы визитов. Те суммы, которые они неосторожно называют вслух. Лица посредников. Вы ведь грамотны?

В его темных глазах внезапно полыхнуло что-то короткое, обжигающе-злое.

— Я успешно учился в Талмийском университете, — ровно и холодно сказал он. — До того самого дня, как ваша доблестная имперская армия сожгла его дотла вместе с многовековой библиотекой.

Я бесстрашно выдержала его тяжелый взгляд. Не отвела глаз и не стала лицемерно извиняться за свою империю — любые извинения из моих уст сейчас прозвучали бы как жестокая насмешка над его разрушенной жизнью.

— Значит, вы с этим без труда справитесь.

— Допустим. — Он медленно, задумчиво провёл широкой ладонью по поверхности воды, разглаживая мелкую рябь. — И что же конкретно получу за этот риск я? Только, умоляю, не говорите «мою вечную благодарность». Местной благодарностью здесь принято топить печи.

— Свободу.

Это веское слово упало в тихую воду между нами, словно брошенный гранитный камень. Сайс даже не пошевелился. Он только смотрел на меня — так пристально и пронзительно, словно пытался разглядеть под моей кожей малейшие признаки лжи.

— Когда я вырву у мачехи то, что по закону принадлежит мне — а я это обязательно сделаю, — у меня появятся очень большие деньги. И самое первое, что я сделаю, — я выкуплю вас из этого заведения. Официально. Со всеми необходимыми печатями и бумагами. И в тот же день я лично подпишу вам вольную грамоту. Вы выйдете из этих дверей свободным человеком, Сайс.

— Зачем вам это нужно?

— Затем... — я тяжело помедлила, подбирая правильные слова, — затем, что я на собственной шкуре слишком хорошо знаю, каково это — когда тебя цинично используют в своих целях, а потом просто выбрасывают на помойку. И поверьте мне, я знаю это гораздо лучше, чем вы можете себе представить.

Он молча изучал моё лицо ещё одну долгую, напряжен-

ную минуту. Ароматный пар над бассейном красиво танцевал в своем странном медленном ритме.

— Если вы меня обманете, — очень тихо, но веско сказал он наконец, — я найду надежный способ вам это припомнить. Поверьте, я достану вас, невзирая на бронзовый браслет.

— Я вас не обману.

— Здесь все так говорят.

— А я — не все.

Он коротко, резко кивнул.

— Хорошо. Я раздобуду эту информацию. Приходите ровно через две недели — спросите у входа Сайса, и вас ко мне проведут. — Он тяжело помолчал. — И последнее, госпожа. Ваше имя. Настоящее. Я должен точно знать, на кого именно я ставлю свою голову.

Я плавно поднялась с подводной ступени. Вода ручьями стекала с белой сорочки, с кончиков пальцев, тяжелыми каплями падала с растрепанных волос.

— Лис, — твердо сказала я. — Меня зовут Лис.

Преданная Деб напряженно ждала меня в храме. Когда я торопливо подошла к ней — влажная, покрасневшая от банного пара, с растрепанными волосами, намертво прилипшими к шее, — служанка уставилась на меня с таким священным ужасом, будто я только что вернулась не из купален, а напрямую из глубин Бездны. Мы поспешили к повозке в

абсолютном молчании. И лишь когда мы торопливо забрались внутрь салона, скрывшись от посторонних глаз, Деб наконец отмерла.

— Госпожа Лиссандра, вы...

— Я в порядке. Быстро переодеваемся.

Мы снова суматошно менялись платьями в тесноте раскачивающейся повозки. Деб испуганно молчала, только её холодные пальцы предательски тряслись, не попадая в мелкие пуговицы.

— Вас не было один час и двадцать минут, — укоризненно сказала она, когда я, наконец, затянула на себе последний шнурок корсета. — Я считала каждую минуту.

— Да, я немного задержалась.

— Вы насквозь пропахли экзотическими маслами. — Она многозначительно помолчала, поджав губы. — И мужскими духами.

— Деб, поверь мне, это совершенно не то, что ты сейчас себе думаешь.

— А я вообще ничего не думаю, госпожа. Я теперь вообще стараюсь поменьше думать для собственного спокойствия.

Я не выдержала и коротко рассмеялась.

— Что ж. Это тоже выход.

У высоких кованых ворот нашего особняка застыл чужой экипаж. Роскошная, чёрная лаковая карета с узнаваемым гербом на дверце: хищный золотой сокол, расправивший крылья на тёмно-синем поле. Герб герцога. Родной брат

Кардины пожаловал к нам в гости.

Остатки благодушной улыбки сползли с моего лица сами собой.

В парадном холле стояла мертвая тишина. Услужливый лакей торопливо принял мой дорожный плащ, и я направилась к лестнице быстрым шагом, глядя строго перед собой в надежде проскочить незамеченной. Но не успела. Ровно на полпути из распахнутых дверей малой гостиной показался он.

Герцог Кондар.

Высокий, по-военному поджарый мужчина лет сорока пяти. Безупречно аккуратная седая бородка, строгий тёмно-синий камзол с литыми серебряными пуговицами, недопитый хрустальный бокал в руке. В своей прошлой, оборвавшейся жизни я видела его на собственном суде — он непоколебимо стоял по правую руку от нового императора и смотрел на меня с сытым спокойствием человека, лично проверяющего, насколько хорошо выполнен его грязный заказ.

— Лиссандра. — Он плавно остановился и снисходительно улыбнулся. Эта фальшивая улыбка послушно дошла до губ, но так и не добралась до его ледяных глаз. — Какая приятная встреча. Кардина говорила мне, что ты сегодня отправилась в турне по храмам Востока? Весьма душеспасительное занятие для юной леди.

— Добрый вечер, ваша светлость. — Я заставила себя присесть в коротком реверансе. — Никак не ожидала вас се-

годня здесь увидеть.

— Решил заехать проведать любимую сестру. Семья — это ведь главное в нашей жизни, не находишь?

Он молча смотрел на меня. И я слишком хорошо знала этот взгляд.

В нем не было ни капли мужского интереса, какие я привыкла видеть — это был сухой, оценивающий взгляд дельца.

В прошлой жизни я этого тяжелого взгляда просто не замечала. Не знала, что он для меня готовит. Но теперь я улавливала каждое его мимолетное движение: как эти выцветшие глаза скользнули по моему лицу, как задержались на руках в плотных перчатках, как педантично отметили растрёпанную причёску.

— А ты заметно повзрослела, — тягуче произнес он. — Кардина оказалась абсолютно права: ты превратилась в настоящую леди. Тебе ведь скоро исполняется восемнадцать?

— Уже через пять месяцев, ваша светлость.

— Пять месяцев. — Он повторил это медленно. — Как же неумолимо летит время. Кажется, я помню тебя вот такой крохой. — Ладонь с бокалом небрежно качнулась где-то на уровне его бедра. — Смешные косички, яркие бантики, вечно что-то напевала себе под нос. А теперь ты — завидная наследница. Невеста, считай.

— Вы мне слишком льстите, ваша светлость, — сказала я ровным, ничего не выражающим тоном. — Желаю вам приятного вечера.

— И тебе того же, Лиссандра. И тебе.

Я медленно поднималась по длинной лестнице и спиной чувствовала его тяжелый взгляд, намертво приклеенный к моим лопаткам. Хотелось передернуть плечами, но я сдержалась.

Я вошла в свои покои, плотно закрыла за собой дверь и обессиленно прижалась к ней спиной. Смотрите на меня внимательно, герцог. Вы забыли об одном маленьком правиле: иногда простые пешки всё-таки доходят до самого конца доски. А там, вы ведь прекрасно знаете правила игры, они становятся кем захотят.

Последующие два дня прошли мучительно медленно, словно остывающий зимой камин.

Я была воплощением безупречности. Послушно завтракала с отцом и Кардиной, фальшиво нахваливала утренние бисквиты, подолгу читала любовные романы в осеннем саду, пока у меня не зябли пальцы. Я даже достала изящные пяльцы, подаренные мачехой ещё на мои прошлые именины, и впервые за целый год смиренно воткнула иглу в её незаконченный цветочный узор. Кардина, увидев это проявление покорности, расцвела такой приторной нежностью, что меня даже подташнивало.

Но, я мило улыбалась.

А глубоко внутри лихорадочно считала уходящие часы.

На третий день, ближе к полудню, Деб вернулась с ярмар-

ки — её посылали за новыми лентами и шелковыми нитками — и проскользнула в мои покои без стука. Щёки у служанки горели, дыхание заметно сбилось после бега.

— Госпожа!

Я немедленно подняла голову от книги, которую на самом деле даже не читала.

— Что случилось?

— У северных ворот... ко мне подошёл мальчик. Худой, с пронзительным взглядом уличного волчонка. Кажется, Крис.

Книга в моих руках закрылась сама собой, с громким, сухим хлопком.

— И что он сказал?

— Он велел передать вам слово в слово: «Скажи госпоже Лис — её заказ выполнен. Том ждёт сегодня. Я встречу у ворот, как только стемнеет».

Моё сердце с силой ударило в рёбра так тяжело и гулко, словно кузнечный молот опустился на наковальню.

Два дня. Прошло всего два дня. Я рассчитывала на долгие недели, готовилась, а в самых худших мыслях вообще допускала, что Том так и не найдёт этот проклятый ключ. А этот уличный гений управился всего за двое суток.

Но тут же, по пятам за этой триумфальной радостью, пришла вторая мысль — мне совершенно нечем ему платить.

Тяжелый отцовский кошелек ушёл Тому в качестве первоначального задатка — все до последней монеты. Из мо-

их личных карманных сбережений оставалась лишь жалкая горсть серебра, которой хватило бы разве что на горячие пирожки, но никак не на выкуп самого разыскиваемого магического артефакта во всей империи.

Полную оговоренную сумму, которую я самонадеянно пообещала, на которую все беспризорные дети Тома должны были сыто жить до самой весны, — мне сейчас взять было неоткуда, ведь эта сумма должна прийти из каменоломни.

Пойти и попросить у отца? Граф Ваэль любил меня без памяти, но дураком он никогда не был. Такие колоссальные деньги без веских причин не выдают даже горячо любимым дочерям. А любое моё объяснение — это неизбежные подозрения и вопросы. Лишние вопросы — это пристальное внимание Кардины. Кардина — это мой конец. Второй петли на шее Бездна мне точно не простит.

— Госпожа? — осторожно, с тревогой позвала Деб. — Вы совсем побелели.

— Всё в порядке. — Я резко встала и подошла к окну. Далеко внизу наш садовник меланхолично сгребал опавшие листья в рыжие кучи. — Деб, после обеда скажи Дорду: сегодня вечером я хочу прогуляться. Променад вдоль канала, подышать свежим воздухом перед сном. Пусть подаст повозку ровно к шести.

Деб замерла. Я отчетливо видела в мутном оконном отражении, как она нервно переминается с ноги на ногу, как судорожно мнёт в руках белый край своего передника.

— Госпожа... вы ведь едете вовсе не на променад.

— Не на променад, — спокойно согласилась я. — М сегодня я должна быть одна.

Она явно хотела горячо возразить — я видела, как она набирает полную грудь воздуха для спора, — но всё же сдержала порыв. Только обреченно выдохнула и сказала очень тихо, глядя в пол:

— Я всё передам Дорду. И буду ждать вас у окна людской, пока вы не вернётесь. Не спорьте со мной, госпожа. Хотя бы это малое мне позвольте.

— Позволяю, — мягко ответила я.

За семейным обедом я вскользь рассказала отцу про свой вечерний моцион — главный лекарь в его любимой утренней газете как раз настоятельно советовал долгие прогулки от мигреней. Отец закивал так радостно и охотно, что мне стало почти физически стыдно за свою ложь. Кардина же плавно подняла глаза от тарелки:

— Совершенно одна, милая? Сейчас ведь уже темнеет довольно рано.

— Я буду с Дордом, матушка. Только пройдусь вдоль канала и сразу обратно. Доктора пишут, что свежий вечерний воздух...

— ...исключительно полезен для здорового цвета лица, — с идеальной улыбкой закончила за меня мачеха. — Разумеется, поезжай. Только, прошу тебя, перчатки не снимай, осенние вечера нынче очень сырые.

Перчатки не снимай.

Всегда одно и то же изящное напоминание. Раньше я, как дурочка, слышала в этих словах искреннюю материнскую заботу.

— Конечно, матушка. Как скажете.

Худой Крис преданно ждал меня у массивных ворот, как и обещал — руки глубоко в карманах, худые плечи прячутся под огромной курткой с чужого плеча, взрослые глаза щурятся на догорающий закат. Увидев мою фигуру, он молча, по-деловому кивнул и тут же бесшумно нырнул в темный переулок.

Мы проделали тот же запутанный путь: глухие проходные дворы, чужое мокрое бельё на натянутых верёвках, густой запах мокрого угля и помоев. Только теперь моё тело само инстинктивно помнило все нужные повороты, и я шагала за проводником быстро, уверенно, почти не глядя под ноги.

У входа в убежище Тома, на перевёрнутом деревянном ящике, сидела крошка Ори.

Она беззаботно болтала грязными босыми ногами и с аппетитом грызла черствый сухарь. Увидев меня — мгновенно замерла. Недоеденный сухарь так и повис в воздухе на полпути ко рту. Её огромные серые глаза смотрели на меня точно так же, как и в нашу первую встречу: абсолютно без улыбки, без капли страха, просвечивая душу насквозь.

Я аккуратно присела перед ней на корточки.

— Привет, Ори.

В ответ — настороженное молчание. Только холодный ветер шевелил её спутанные, грязные волосы.

Я залезла в глубокий карман своего дорожного плаща и достала шуршащий бумажный кулёк, свернутый аккуратной воронкой. По дороге сюда, у пестрого ярмарочного лотка, я купила пригоршню леденцов на палочках — ярко-красных, солнечных жёлтых, изумрудно-зелёных, аппетитно блестящих от застывшей сахарной глазури. И весь этот путь я берегла их от тряски, словно хрупкие хрустальные вазы.

— Это тебе.

Ори недоверчиво посмотрела на кулёк. Потом перевела взгляд на меня. Потом — снова на шуршащий кулёк. Очень осторожно, кончиками двух перепачканных в саже пальцев, словно пугливая птица, она вытащила зелёный леденец. Недоверчиво лизнула блестящий край. И блаженно зажмурилась от сладости.

И в этот момент что-то глубоко внутри меня — нечто маленькое, очень хрупкое, не имеющее совершенно никакого отношения к моим жестоким планам выживания и мести, — сжалось до боли.

Я обязательно заберу тебя отсюда, малышка. Не прямо сейчас — сейчас я сама балансирую на самом краю пропасти. Но когда у меня появится свой дом, в котором можно будет безопасно дышать, в нём обязательно найдется теплая комната для тебя. Я обещаю тебе. Слышишь? Я клянусь.

— Всё остальное — тоже тебе, — ласково сказала я вслух,

ставя шуршащий кулёк рядом с ней прямо на деревянный ящик. — Поделишься сладостями с мальчишками?

Она кивнула. Один раз. Совершенно молча. И вдруг — едва заметно, лишь самым уголком перепачканных губ — робко улыбнулась.

Именно с этим крошечным, теплым чувством в груди я решительно шагнула в тёмный коридор убежища.

Том сидел на своём месте, за той же неструганой доской на строительных козлах. Прямо перед ним, в тусклом желтом круге света от масляного фонаря, лежал небольшой свёрток — размером едва ли больше мужской ладони, плотно завернутый в тёмную промасленную ткань и надёжно перевязанный грубой бечёвкой.

— Госпожа Лис, — произнес он вместо приветствия. — А ты быстро обернулась.

— Это ты сработал быстро. — Я грузно опустилась на шаткий табурет. — Два дня. Я на такое даже не рассчитывала.

— Я, признаться, тоже. Нам просто сказочно повезло: тот человек, у которого этот товар осел на руках, оказался мне кое-что крупно должен. Пришлось полностью простить ему старый долг. — Том равнодушно пожал плечами. — Мои заботы, тебя они не касаются.

Он небрежным жестом подвинул тяжелый свёрток ко мне через весь стол.

— Проверяй.

Мои пальцы чуть дрогнули, когда я развязывала жесткий узел бечёвки. Я аккуратно отогнула промасленную ткань. Ключ оказался гораздо меньше, чем я себе представляла. Он был выкован из неизвестного тёмного металла — это было точно не привычное железо и не потускневшая бронза.

Это был странный, мертвый сплав с еле уловимым, глухим фиолетовым отливом, больше всего похожий на остывающий в золе уголь. И своей формой этот артефакт совершенно не походил на ключ: скорее, это был монолитный стержень, чуть изогнутый дугой, с массивным утолщением на одном конце и тремя острыми зубцами на другом. Три загнутых когтя, хищно смотрящих в одну сторону.

От этого мертвого металла тянуло обжигающим холодом даже сквозь ткань.

Ровно четыреста лет назад именно этой чудовищной вещью заперли во тьме Бездны живое существо. А всего через пять коротких месяцев именно из-за этой вещи инквизиция собиралась повесить меня.

Я решительно завернула артефакт обратно. И прямо подняла глаза на Тома.

— Том. У меня появилась большая проблема.

Он расслабленно откинулся назад на табурете и скрестил сильные руки на груди.

— Денег нет, — сказал он. Не спросил — безошибочно констатировал факт.

— Денег нет. Пока что нет.

— Пока. — Он цинично усмехнулся одними губами. — Самое любимое слово всех моих должников.

— Мне нужно немного времени. Несколько недель. Может быть, один месяц. У меня есть надежный план, и как только он сработает, я заплачу тебе далеко не ту сумму, о которой мы договаривались изначально, а втрое больше. Но именно сегодня мне платить нечем, и я не собираюсь делать вид, что это не так. — Я твердо положила ладонь на тяжелый свёрток и медленно подвинула его обратно через стол. — Поэтому я предлагаю всё честно: поддержи этот артефакт у себя. Как надежный залог. Когда я принесу обещанное золото — я его заберу.

Том перевел взгляд на свёрток. Потом снова посмотрел на меня. И вдруг весело и раскатисто рассмеялся.

— Поддержать у себя, — повторил он, отсмеявшись и вытирая слезу. — Госпожа, ты хоть примерно понимаешь, что именно сейчас предлагаешь? У меня в руках лежит вещь, за которую инквизиция сдерет с меня три шкуры, главный храм Истока отпустит все грехи разом, а кое-кто из очень, очень больших людей столицы отвалит столько золота, что я смогу купить себе весь этот криминальный квартал вместе со всей городской стражей. И ты на полном серьезе хочешь, чтобы я держал её под своей подушкой и смиренно ждал, пока наивная девочка из богатого дома соберет нужные монетки? — Он снисходительно покачал головой. — Мне ведь гораздо проще его просто продать, красавица. Проще, быстрее и

несоизмеримо прибыльнее.

Ледяной холод прошел у меня по позвоночнику, но голос я удержала ровным.

— Проще, — спокойно согласилась я. — А теперь внимательно послушай меня. Если ты его сейчас продашь, он неизбежно уйдёт именно к тем большим людям. И ровно через полгода в этом городе начнётся такое кровавое безумие, что ни твой купленный квартал, ни твоя продажная стража, ни твоё вырученное золото не будут стоить ровным счётом ничего. А если ты его не продашь... — Я решительно подалась вперёд, прямо в желтый круг света от фонаря. — Я клянусь тебе, Том. Чем только захочешь клянусь: светлой памятью моей матери, своей собственной сохранной головой. Я обязательно заплачу тебе намного больше, чем дадут за этот кусок металла абсолютно все скупщики этого города вместе взятые. Столько, что шустрый Крис, его младший брат, крошка Ори и каждый голодный ребёнок, который живет под твоей крышей, навсегда забудут, что такое воровать хлеб. И не до какой-то там весны. На долгие годы.

— Это просто красивые слова, — отрезал он.

— Это слова, — не стала спорить я. — Но сегодня у меня денег нет.

Том замолчал. Желтое пламя в фонаре тихо и напряженно потрескивало. Где-то за тонкой кирпичной стеной хрустел сладким леденцом мой маленький серый совёнок, даже не подозревая, что сейчас речь идет и о ее будущем тоже.

Он молчал, взвешивая риски, наверное, целую бесконечную минуту. А потом вдруг решительно взял тяжелый свёрток и протянул его мне через весь стол.

— Забирай.

Я от неожиданности даже не пошевелилась.

— Но ты же только что сказал...

— Я сказал, что продать его проще. Я не говорил, что продам. — Он дернул уголком тонких губ. — Эту проклятую штуку сейчас ищут очень злые люди, госпожа, и ищут они её слишком хорошо. У меня в трущобах её найдут — это лишь вопрос времени. А вот у тебя в особняке её искать точно не догадаются: ну кто в здравом уме заподозрит благородную графскую дочку? Так что забирай товар и прячь его как можно надежнее. А деньги... — он хитро прищурился, — обещанные деньги я подожду. Я тебе верю. Сам, Бездна побери, не пойму почему, но верю. Может, всё дело в том, что Ори при тебе вдруг заговорила — а она ведь два месяца рта не открывала, я уж грешным делом думал, что девчонка немая стала. Дети в хороших людях не ошибаются. Я могу ошибаться, а они — никогда.

Я дрожащими руками приняла свёрток. Он лёг в мою ладонь тяжело, неприятно, словно этот мертвый металл тянул вниз не руку, а тяжелым грузом ложился на сердце.

— Спасибо тебе, Том. От всего сердца.

— Не стоит меня благодарить. Просто заплати вовремя.

— Он снова устало откинулся в спасительную тень. — Крис

будет дежурить у ворот каждый день ровно к полудню. Как только соберёшь сумму — сразу найдёшь меня. И вот ещё что, Лис. — Впервые за всё время он назвал меня просто по имени, без почтительного «госпожа». — Что бы ты там ни задумала сделать с этой штукой — сделай это очень быстро. Такие могущественные вещи категорически не любят долго лежать в пыльных тайниках. Они любят, когда их используют по прямому назначению. Я подобное магическое железо нутром чую.

Я остановилась у самой двери.

— Том.

— Чего тебе ещё?

— Малышка Ори... Пожалуйста, береги её.

— А я, по-твоему, чем здесь круглыми сутками занят? — недовольно буркнул он. — Иди уже. На улице темнеет.

Кучер Дорд преданно ждал меня в условленном месте, у кромки канала, и на моё тихое распоряжение «к старому Липовому мосту» лишь покорно тронул вожжи. Именно за это золотое качество я его так ценила: он никогда не задавал лишних вопросов.

Наша повозка мерно катилась по вечерним, пустеющим улицам. Усталые фонарики уже шли вдоль набережной со своими длинными лесенками, и за нами по темной воде канала плавно загоралась цепочка жёлтых, дрожащих огней. Свёрток с артефактом тяжело лежал у меня на коленях. Я напряженно держала на нём обе ладони — и вовсе не пото-

му, что боялась его уронить. Просто мне всё время казалось: стоит мне только убрать руки, и этот мертвый металл под тканью зашевелится.

Сделай это очень быстро, — так сказал Том. Я именно так и собиралась поступить. Пока разъяренные заговорщики в панике обыскивают нижний город, пока никому в здравом уме не пришло в голову посмотреть в сторону безупречного дома Ваэль, пока эта проклятая вещь не начала притягивать к себе настоящую беду, как притягивает её абсолютно всё, к чему хоть раз прикоснулась Бездна.

Повозка с мягким скрипом остановилась у въезда на мост. Я велела Дорду ждать меня здесь и решительно вышла в сырой полумрак.

Вечер выдался холодным и ясным. Резкий ветер с реки дохнул в лицо едким запахом стылой воды и тины. На западе ещё догорала узкая полоса заката густым золотом, плавно переходящим в чернильную ночную синеву.

Старинный мост был совершенно пуст: уличные фонари на нём всегда зажигали в самую последнюю очередь, и сейчас он лежал передо мной серой, безжизненной каменной дугой, ничьей землёй между двумя оживленными берегами.

Я медленно дошла ровно до середины. До любимого места, где в глубоком детстве капризно заставляла отца останавливать нашу повозку.

Вода внизу опасно ревела и завораживала, но я не подходила близко к краю.

Задубевшими от холода пальцами я размотала промасленную ткань. Ключ тяжело лёг в мою ладонь, зловеще блеснув догорающим золотом заката в сумерках.

Я с силой замахнулась. Далеко от плеча, с разворотом, всем корпусом, вкладывая в этот финальный бросок и напряжённую спину, и бедро, и накопившуюся злость, и животный страх, и обе свои жизни разом.

Артефакт сорвался с ладони и ушёл в темнеющее небо — стремительно крутящийся тёмный стержень на фоне последнего золота заката, затем ниже, дальше, к самой смертоносной стремнине...

Он должен был просто упасть в бурлящие воды.

Но на середине пути, когда он описал дугу, примерно на уровне моей груди, ключ внезапно застыл. Блеснуло фиолетовое пламя, и три зубца прошли по кругу, будто кто-то провернул ключ в замочной скважине.

Щелк!

Над рекой раздался оглушительный хруст, будто с треском лопнуло само мировое пространство. Будто кто-то всемогущий взялся за края нашей реальности и с силой развёл их в стороны.

— Нет, — в ужасе прошептала я, отступая на шаг и глядя во все глаза в пустоту перед собой. — Нет-нет-нет...

Из точки магического поворота во все стороны брызнули магические всполохи — тёмно-фиолетовые, густые и плотные, как вылитые в воду чернила. Они стремительно побе-

жали по воздуху зияющими трещинами, расчертили осеннее небо над рекой ломаной, пульсирующей паутиной, и каждая такая трещина зловеще светилась изнутри тем парадоксальным светом, у которого по законам природы не должно быть названия: абсолютно чёрным светом, ослепительно светящейся тьмой.

Воздух над мостом угрожающе загудел. Быстрая река далеко внизу вдруг пошла неестественной рябью против своего течения. Где-то на дальнем берегу истошно, в панике залаяла и тут же жалобно заскулила собака.

Светящиеся трещины с хрустом сошлись в одну — невероятно широкую, пульсирующую вертикальную рану, пробившую реальность от самого неба до поверхности воды. И с оглушительным треском раскрылись.

За ними не было ни спящего города, ни неба, ни мерцающих звёзд. За ними была лишь абсолютная тьма. Тьма, у которой имелось свое бесконечное дно — очень, очень далеко, — и из этого дна что-то медленно поднималось. Что-то неотвратимо шло прямо ко мне. Я этого не видела — я это чувствовала: заледеневшим позвоночником, каждой клеткой кожи, корнями вставших дыбом волос.

А потом из распахнутых настежь врат бесшумно ступила нога. Человеческая нога в сапоге. За ней немедленно последовала вторая.

И в этом сияющем проёме между двумя мирами, стоя на невидимой тверди, всего в двадцати шагах от меня и в деся-

ти саженьях над бурлящей рекой, выпрямился во весь свой пугающий рост мужчина.

— Истока свет благословенный! — выдохнула я в ужасе.

Он был невероятно высоким. Густые, спутанные тёмные волосы тяжелыми прядями упали ему на лицо. Его кожа была бледной до мраморной синевы, будто... Какое “будто”! Он четырёста лет света не видел!

От этой мысли мое сердце задохнулось.

Его одежда была странной. Я никогда не видела такого кроя. Черная, с серебряной вышивкой по краю, она отличалась простотой от той, что носили столичные модники. Он непоколебимо стоял в воздухе так же спокойно и уверенно, как я стояла на каменных плитах моста, а первобытная тьма за его спиной уже медленно, нехотя сворачивалась, втягивалась обратно в трещину и беззвучно гасла.

Он медленно поднял руку и одним неспешным, хищным движением убрал спутанные волосы со своего лица. И я наконец-то воочию увидела его.

Он был невозможно, неправильно, нечеловечески красив, именно так, как бывают притягательны те смертоносные вещи, которым по всем законам природы просто не положено существовать. Резкие, аристократические скулы, благородный прямой нос, невероятно твёрдая, волевая линия челюсти. И его глаза — без единого намека на белки, без зрачков, просто два сплошных черных провала, два бездонных колодца в ту Бездну, из которой он только что шагнул в мой мир.

И ровно в эту же секунду метку на руке стегнуло болью, будто кто-то невидимый с размаху вдавил в мою кожу клеймо из раскалённого добела железа.

Я от боли задохнулась и судорожно схватилась за руку. Сквозь плотную ткань рукава, сквозь тонкую кожу перчатки этот маленький чёрный полумесяц сейчас полыхал, неистово пульсировал и яростно рвался наружу — прямо навстречу тому, кто неподвижно стоял в воздухе над Тихими Водами и, не отрываясь смотрел на меня.

Легендарный повелитель Бездны официально вернулся в этот мир.

И самой первой, кого он в этом мире встретил, оказалась я. Девушка, которая только что пыталась выбросить в бурлящую реку единственный ключ к его свободе.

Глава 6

Боль в руке медленно отступала. Я всё ещё сжимала пальцами предплечье, сквозь перчатку чувствуя, как затихает под кожей эта чужая пульсация, и не могла отвести взгляда от человека, неподвижно стоящего в воздухе над рекой.

Воздух над мостом был густо пропитан горьким запахом озона.

Трещина за его спиной уже погасла. Первобытная тьма втянулась в небо и растворилась без следа, словно её и не было. Небо над Тихими Водами снова стало обычным осенним небом, низким и беззвёздным у горизонта. Только он остался. Стоял в пустоте над бурлящей рекой так буднично, словно под его сапогами лежала утоптанная садовая дорожка.

А потом я увидела ключ.

Он не упал в воду. Он медленно плыл по воздуху обратно, к бледной протянутой ладони. Плыл неторопливо и важно, будто сытый дворцовый кот, которого позвали к ужину. Три зубца тускло отсвечивали фиолетовым.

Ладонь сомкнулась. Ключ исчез в длинных пальцах.

— Какая расточительность,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.